12
11-88

Ю
И88

ШТАБ Р.К.К.А

УПРАВЛЕНИЕ
СЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВЫПУСК 6-Й

Г. ИССЕРСОН

МАРТОВСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ В ПИКАРДИИ

в 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

55130/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА, Тверская, 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА—ВОЕНГИЗ.

Список трудов „ИНОСТРАННОЙ БИБЛИОТЕКИ“

I. Вышли из печати:

1. **Дикс, Артур.** Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914—1919 г. (С нем.). Стр 127. Ц. 60 к.
2. **Дуэ, А.** Господство в воздухе. (С итальянск.). Стр. 73. Ц. 45 к.

2. Печатаются:

1. **Пфейфер.** Организация маршей под угрозой воздушных нападений. (С нем.).
2. **Компана.** Успехи и развитие артиллер. техники. (С франц.).
3. **Рагено.** Транспорт и снабжение в современной войне. (С франц.).
4. **Абади.** Действия в горах. (С франц.).
5. **Римальо.** Артиллерия пол. арм. по соврем. франц. взглядам. (С франц.).
6. **Клаус, Р.** Война и народное хозяйство. (С нем.).
7. **Люка.** Эволюция тактических идей во Франции и Германии за время войны 1914—18 г. (С франц.).
8. **Риттер.** Будущая война и б[illegible]
9. **Ранк.** Ин[illegible]илизация. (С [illegible]
10. **Коль[illegible]**

1. [illegible] (С нем.),
2. [illegible]).
3. [illegible]).
4. [illegible] нем.).
5. [illegible] франц.).
6. [illegible]
7. [illegible]
8. [illegible] франц.).
9. [illegible]
10. [illegible] и средн-
11. [illegible] войны.
12. З[illegible]

Н
И 88

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
У П Р А В Л Е Н И Е
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН
Военно-Историческая Библиотека

355.4

Выпуск 6-й

Г. ИССЕРСОН

МАРТОВСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ В ПИКАРДИИ В 1918 ГОДУ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

с тремя чертежами в тексте
и двумя схемами в приложении

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 55130
8

1961/5

1 9 2 6

Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Е
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
М О С К В А

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1470

ТИРАЖ 5000 экз.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 3566.

ЗАКАЗ № 2464.

Типография
„Красной Газеты"
им. Володарского,
Ленинград
(Фонтанка № 57).

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакции	5
От автора	6
Военно-политическое положение Германии к началу 1918 года	7
„ „ „ союзников к началу 1918 года и их силы	9
Сила, подготовка и состояние германской армии к началу 1918 года	12
Германский план операции	15
Подготовка германцев к наступлению „Михаель"	23
Подготовка англо-французов к обороне	25
Боевые действия в Пикардии с 21 марта по 9 апреля	30
Положение и действия союзников	34
Изменение германского плана операции	37
Результаты наступления	41
Оценка действий германского командования. Тактика и стратегия в позиционной войне	42

ИСТОЧНИКИ.

1. Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen.
2. Stegemann. Geschichte des Weltkrieges. B. 4.
3. Berngardi. Deutschlands Heldenkampf.
4. Egli. Das vierte Jahr & der Schluss des Weltkrieges.
5. Moser. Kurzer strategischer Überblick über den Weltkrieg 1914—1918.
6. Fehr. Die Märzoffensive 1918.
7. Lehmann. Ludendorffs Schuld an der Katastrophe.
8. Müller-Brandenburg. Von der Marne bis zur Marne.
9. Henke. Taktik & Strategie in der Frühjahrsoffensive 1918. „Wissen & Wehr". H. 1. 1923.
10. Kuhl. Der Weltkrieg im Urteil unserer Feinde.
11. Nagel. Das Britische Oberkommando von 1916 bis 1918. „Wissen & Wehr", H. 3. 1923.
12. Foerster. Graf Schlieffen und der Weltkrieg.
13. Buat. Ludendorff.
14. Ritter. Kritik des Weltkrieges.
15. Hindenburg. Aus meinem Leben.
16. Corda. La guerre mondiale.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В предлагаемом вниманию читателя труде кратко излагается так называемое первое наступление германцев в 1918 г. Автору удается проследить процесс постепенного изменения творческой работы полководца. На этом примере читатель может убедиться, какую огромную выдержку, силу воли и уверенность в непогрешимости своего плана должен он иметь, чтобы на поле сражения провести план, задуманный в тиши рабочего кабинета. Стальные нервы Людендорфа не выдержали такого напряжения, что автор объясняет влиянием позиционной войны.

В действительности здесь играли роль многие факторы, один из которых—позиционная борьба. Война на французском театре в 1918 г. оказалась столь грандиозной как по числу бойцов, так и по обилию технических средств, что ее ведение пришлось Людендорфу не по плечу. Судьба его первого наступления повторилась в трех последующих, а начавшееся после этого решительное наступление Фоша привело германцев к их печальному концу.

ОТ АВТОРА.

„Борьба на Западе представляла грандиозную военную задачу, которая едва-ли когда-либо выпадала на долю армии".

Людендорф—„Мои воспоминания".

Мировая война кончилась для России в 1917 году. Для Германии и ее союзников она еще продолжалась, требуя крайнего напряжения их сил. Что же касается государств Антанты, то для них, усиленных Америкой, наступил последний фазис решительной борьбы, которая должна была привести к желанному концу. На протяжении 4-х лет жестокой борьбы мировая война не знала столь грандиозных боевых событий, какие разыгрались на французском фронте в 1918 году; вот почему их исследование составляет предмет совершенно исключительного интереса.

Военно-политическое положение Германии к началу 1918 года.

Четвертый год европейской войны Германия заканчивала при тяжелых предзнаменованиях близости роковой развязки.

Борьба на Западе не дала благоприятного решения в течение 1917 года. Наоборот, атаки французов и англичан показали в этом году их большую наступательную силу, предполагать падение коей не было никаких оснований. Между тем, была потеряна последняя колония. Подводная война не оправдала возлагаемых на нее надежд и принесла Германии в сущности больше вреда, чем пользы. Она послужила поводом для выступления Америки. Этот фактор, мало взвешенный и оцененный германским генеральным штабом, был столь крупного значения, что в сущности уже один мог предрешить исход войны. В лице Америки Антанта приобрела столь необходимый ей резерв живой силы. Между тем, Германия исчерпала почти весь свой людской запас: оставался непризванным лишь один 1900 год.

Внутри страны искони прочные основы прусского монархического строя давали заметные трещины. Нужда и голод, политические репрессии и пробуждение классового сознания в рабочей массе делали свое дело. Отношения рейхстага к правительству становились все более оппозиционными, и если к концу 17 года в Германии не было парламентского правительства, то все же преобладающее значение перешло уже к рейхстагу. Ни рейхсканцлер Михаэлис, ни его приемник Гертлинг—не обладали достаточным политическим тактом и твердой линией поведения, чтобы, согласовав политику правительства и рейхстага, создать почву для столь необходимого национального объединения. Между тем, военное командование в лице Гинденбурга и Людендорфа стало в заметную оппозицию к рейхсканцлеру и тем более рейхстагу, возражая против каких бы то ни было внутренних реформ до достижения полной победы и мира. Эти внутренние политические противоречия без строго централизованной твердой власти естественно не могли обеспечить необходимого для продолжения борьбы единства

страны. Однако, более скрытые, чем явные, эти неблагоприятные военные и политические условия едва ли выявляли ту грозную участь, которая ожидала Германию осенью 1918 года, и этим позволяли германскому генеральному штабу оценивать свое положение в несравненно более светлых красках.

„С начала 1914 года военное положение Германии никогда не было столь благоприятным, как к концу 1917 года“— говорит Бернгарди [1]). И это узкое мнение узкого военного специалиста, чуждое всякого политического анализа и предвидения, господствовало в германских высших военных кругах к началу 1918 года.

Выбытие из строя России и Румынии, затем поражение итальянской армии осенью 1917 года—вот в сущности на чем строил свой оптимизм германский генеральный штаб. Сепаратный мир с Россией и затем с Румынией (в марте 1918 года) был, правда, фактом чрезвычайно крупного значения. Большие силы, которые поглощал восточный фронт, могли быть отныне направлены против главного противника—англичан и французов, могло быть, наконец, после 3-х лет оборонительной позиционной войны, дано решительное сражение на западе и тем достигнут мир. Вместе с тем, заключение сепаратного мира с Россией и занятие хлебородной Украины разрывало кольцо блокады и давало голодной Германии доступ к богатому источнику хлеба, коим ей, правда, не суждено было воспользоваться в полной мере.

Эти события на востоке казались изнуренной 4-х летнею борьбой Германии столь значительными, надежда на окончательную победу, созданная ими, столь великой, что они заслоняли все неблагоприятные условия, предвещавшие близость грозной развязки.

Как бы то ни было, основная доктрина германского генерального штаба—бить противника по частям, сначала покончить с одним и затем броситься всеми силами на другого—эта доктрина была на исходе 4-го года войны близка к своему осуществлению, и наступивший 1918 год должен был несомненно стать годом решительной схватки на западе. Несомненно поэтому, что если, с одной стороны, обстановка на востоке позволяла этого решения добиваться, то положение на западе заставляло его добиваться немедленно, ибо каждая просроченная неделя начала наступления означала увеличение боевого состава противника прибывавшим из-за океана транспортом американских войск. Сражение должно было быть кончено и окончательная победа достигнута ранее, чем американские войска могли полностью сосредоточиться в Европе.

---

[1]) Berngardi. Deutschlands Heldenkampf. S. 415.

Германский генеральный штаб отчетливо уяснял себе эту обстановку и уже с конца 1917 года принимает план решительного наступления на западном фронте с целью достижения полного разгрома противника. О возможности заключения мира никто не думал; германская дипломатия была за все время войны в этом вопросе немощной. А Людендорф полагал, что „в этой войне дело касается полной победы или полного поражения; срединного решения быть не могло“ [1]). И на противной стороне ему вторили тем же мнением. Накануне 1918 года ген. Манжен писал:

„Только победа, достигнутая силой оружия, может привести эту борьбу к концу“ [2]).

Итак, 1918 год должен был стать годом великого решения.

Военно-политическое положение союзников к началу 1918 года и их силы.

Конечный успех борьбы не возбуждал, между прочим, сомнений и в странах Антанты. Здесь царило решительное настроение довести борьбу до конца. Сравнительно более благоприятное экономическое положение благодаря свободному доступу сырья из-за моря и выступление против Германии богатой и сильной Америки являлись, конечно, стимулом для поддержания стойкости в странах Антанты. Но, вместе с тем, в них в значительно лучшей степени, чем в Германии, был разрешен внутренне-политический вопрос. Франция и Англия со своими демократическими формами правления перешли в сущности к диктатуре, безмолвно санкционированной парламентом. Ллойд-Джордж и Клемансо были, по верному выражению Штегемана, лишь выразителями политики своих стран. Всякая противогосударственная пропаганда пресекалась самым решительным путем, и в четвертый год войны правительства стран Антанты вступали сильными и твердыми в своем стремлении довести борьбу до победного конца.

В военном отношении это стремление не получало, однако, столь активного выражения, как у германцев. Если наступательный план последних в начале 1918 года предопределялся объективной обстановкой и не возбуждал в германском генеральном штабе двух мнений, то иначе он раз-

---

[1]) Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen.
[2]) Kuhl. Der Krieg im Urteil unserer Feinde. S. 64.

решался у союзников. Следует заметить, что военное управление войсками Антанты оставалось необъединенным и на исходе 4-го года войны. Как мы увидим далее, лишь крайне критический момент прорыва фронта заставил союзников создать единое оперативное командование, отсутствие которого так тяжело сказывалось все время войны. Правда, после разгрома итальянцев на конференции в Рапалло в ноябре 1917 года было решено создать верховный военный совет, как высший политический орган, задача коего заключалась в согласовании политики стран Антанты в вопросах войны. В феврале 1918 года в Версале был даже создан исполнительный комитет верховного военного совета, в который вошли Фош, Вильсон, Кадорна и Блисс (последний от Америки). Однако, этот орган отнюдь не обладал какими-либо командными функциями и влияние его было вообще крайне незначительно. В итоге командующие союзными армиями должны были договариваться в каждом отдельном случае, что, конечно, не обеспечивало строгой согласованности оперативных действий.

Подобное положение было одной из главных причин, почему и в начале 1918 года союзное командование не имело определенного плана действий, хотя близкое наступление германцев считалось более чем вероятным.

Во французском генеральном штабе вопрос о ближайшем оперативном плане ставился двояко: или немедленное наступление с целью предупредить противника или выжидательное положение с целью накопления максимума сил, ожидавшихся из Америки.

Начальник французского генерального штаба ген. Фош, по характеристике Лора „человек сильной воли и пламенного нетерпения“, высказывался за наступательный образ действий. Он полагал, что англичане могут усилить свою армию новыми наборами и расчитывал на резервы из французских колоний. Наконец, по его мнению, и американские войска могли поспеть к разгару операции. На противоположной точке зрения стоял главнокомандующий французской армией, ген. Петэн, настаивавший на оборонительном способе действий. В декабре 1917 года Петэн писал командующим французскими армиями: „Антанта лишь тогда достигнет численного превосходства, когда американские войска в достаточном количестве прибудут на европейский театр военных действий. До тех пор мы должны оставаться в выжидательном положении, дабы не ставить свои армии под угрозу поражения по частям. Необходимо воздержаться от всякого крупного наступательного плана, пока наше численное превосходство не будет резко выражено“ [1]). На

[1]) Kuhl. S 66.

этой точке зрения расчетливый и осторожный Петэн оставался непоколебимым во всю первую половину 1918 года. Действительно, боевой состав армий союзников не обещал к началу решительного года борьбы значительного численного превосходства, хотя последнее и было на стороне Антанты, несомненно, все время войны.

В феврале 1918 года союзники имели на западном фронте всего 178 дивизий, из коих: 108 французских (11 из них находилось в феврале еще в Италии), 57 английских, 10 бельгийских, 1 американская и 2 португальские [1]).

Массовый приток американских войск начался во Францию лишь с весны 1918 года. За весь 1917 год было доставлено только около 188.500 человек и примерно такое же количество за первые 3 месяца 1918 года. Между тем, согласно данного обязательства, Америка должна была к концу лета 1918 года перебросить во Францию 2-х миллионную вооруженную силу, что она в действительности и выполнила к сентябрю месяцу. Сосредоточения этой многочисленной свежей силы и решило выждать союзное командование для перехода в наступление, оставаясь до того времени в выжидательном положении.

Наступательную операцию было решено провести лишь против Турции, с чем, между прочим, французское командование плохо мирилось, боясь отвлечения войск с западноевропейского театра военных действий. Тем не менее, английские войска во Фландрии были уменьшены на 200.000 человек, перевезенных в Месопотамию и Палестину, где Ллойд-Джордж, верный английской империалистической политике, вел завоевательную колониальную войну.

Несмотря на ожидаемое наступление германцев, английское правительство проявляло в начале 1918 года вообще мало усилий к увеличению своей армии на французском театре военных действий. Состав английских дивизий был с 13-ти батальонов низведен до 10. Большие силы продолжали еще оставаться в Англии и на других фронтах. Между тем, в январе 1918 года англичане удлинили свой фронт к югу до реки Уазы, чем, естественно, еще более ослабили себя. Чтобы предотвратить дальнейшее ослабление английского фронта во Франции, командующий английскими армиями ген. Хейг угрожал даже отставкой. 57 английских дивизий составляли все же одну треть сил союзников на западном театре военных действий. Вся же совокупность вооруженных сил на последнем исчислялась в 178 дивизий и превосходила, во всяком случае, противостоящие им силы германцев.

---

[1]) Сила французской дивизии определялась в 9—10 батальонов и 16—20 батарей, что дает около 11.000 бойцов.

Итак, в начале 1918 года союзники оставались на своих сильно укрепленных позициях, тянувшихся от Северного моря через Ньюпор, Ипр, Ленс, С. Кантен, Ля-Фер, Реймс, Верден, С.-Миель, Понт-а-Муссон и далее по Эльзас-Лотарингской границе до Швейцарии (схема № 1 в приложении). Эта линия занималась с севера на юг бельгийской армией от Ньюпора до Изерского канала, южнее четырьмя английскими армиями, 2, 1, 3 и 5 под командованием ген. Хейг— от Изерского канала до Уазы, далее до швейцарской границы 6, 5 и 4 французскими армиями и затем составлявшими группу ген. Кастельно 2, 8 и 7 армиями. В резерве находилась 3 армия ген. Гумберта в районе Мондидье, кроме того, 1 армия на участке у С.-Миель могла быть сменена и переброшена в резерв.

Сила, подготовка и состояние германской армии к началу 1918 года.

Уже с конца 1917 года германский генеральный штаб напрягал все свои организационные и оперативные способности, дабы подготовку к решительному сражению довести до высшего совершенства.

Немецкие войска достигли на западе за все время войны своей наибольшей силы. 44 укомплектованных молодыми годами дивизий было переброшено с восточного фронта. Правда, весной 1918 года на востоке оставались еще значительные силы, до 40 дивизий, однако, сложившаяся здесь обстановка и необходимость прочного удержания Украины в известной мере оправдывали невозможность полного оголения этого фронта.

Если в декабре 1914 года в составе германской армии числилось 138 дивизий, из коих 98 сражались на западе, а в июле 1916 года—177 дивизий, из коих 128 сражались на западе, то к марту 1918 года германская армия состояла из 238 дивизий, из которых 197 были сосредоточены на западном фронте. Таким образом, против 178 дивизий союзников у германцев создалось даже численное превосходство на 19 дивизий. На протяжении всей военной истории это было величайшее сосредоточение войск к решительному сражению. Из 197 дивизий 113 стояли плечом к плечу в передовой линии, 84 были, как маневренная масса, скрыто сосредоточены в долинах Уазы и Шельды.

Силы германцев были распределены между 4-мя армейскими группами (схема № 1): 1) группа Баварского крон-

принца Рупрехта—4, 6, 17 и 2 армии занимали правый участок фронта от Остенде до Боэна; группа германского кронпринца — 18, 7, 1 и 3 армии — составляли центр фронта от Боэна до восточного края Аргонского леса; группа ген. Гальвица—5 армия и группа Це—обеспечивали левый берег р. Мозель от восточного края Аргон до Паньи и, наконец, группа герцога Альбрехта—19 армия и группы А и Б—прикрывали фронт до швейцарской границы.

Несмотря на беспрерывную боевую службу уже в течение 4-х лет и недавно вынесенные тяжелые бои во время наступления союзников в 1917 году, боеспособность германских дивизий, числивших в своем составе лишь 3 вместо прежних 4-х полков, стояла еще на значительной высоте. В тактическом отношении германские войска были высоко подготовлены и еще в зиму 17—18 г.г. переобучены на основах специально выпущенного для предстоящего наступления наставления „Наступательный бой в условиях позиционной войны".

В организацию пехотной роты была впервые введена стрелковая группа, состоявшая из легкого пулемета и стрелков. Легкий пулемет стал нормальным вооружением пехоты. Тяжелый пулемет и миномет, поставленный на колесный лафет, получали значение средств сильного огневого прикрытия пехоты во время ее продвижения. Этой же цели должны были служить специально выделенные пехотные орудия. Наконец, как специальными огневыми средствами, каждый полк располагал минометной ротой и огнеметными отделениями. Лишь танковые соединения в германской пехоте отсутствовали. Говоря об этом средстве борьбы, Людендорф с удивительной беспечностью восклицает: „Танк был преимущественно наступательным средством борьбы; но наши атаки удавались и без танка". Далее он, правда, говорит, что массовое производство танков было невозможно, ибо военные заводы были перегружены артиллерийскими и авто-транспортными заказами, не имея к тому же необходимых материалов. Тем не менее, чувствуется, что это средство борьбы было германским генеральным штабом сильно недооценено. Обучение войск противотанковой обороне велось, однако, самым энергичным образом и основывалось, в сущности на одной моральной силе бойца. Для непосредственного участия в пехотной атаке была привлечена также и авиация: были сформированы специальные истребительные отряды с целью уничтожения противника на земле. Наконец, велики были достижения в боевой подготовке артиллерии. „Наставление" предусматривало сосредоточение на решительных участках атаки в среднем 100 орудий на 1 *км* фронта наступления. Подобного массирования артиллерийского огня не было достигнуто за все время позиционной войны. Существенным

нововведением в артиллерии была достигнутая капитаном Пулковским возможность открытия огня на поражение без предварительной пристрелки. Огонь должен был вестись во время наступления в виде огневого вала, продвигающегося впереди пехоты, что требовало исключительно тесного взаимодействия этих двух родов войск. Для достижения последнего примерный расчет определял продвижение огневого вала в глубину на один километр в продолжение одного часа. Этому наиболее трудному, но и наиболее важному взаимодействию войска обучались тщательным образом в январе и феврале 1918 года: дивизии, предназначенные к наступлению, специально отводились в тыл, где практиковались в атаке укрепленной позиции под прикрытием огневого вала при ведении артиллерийского огня боевыми патронами.

Таким образом, техника наступления в условиях позиционной войны была тщательным образом разработана и войсками усвоена. К решительному сражению на западе германцы подготовились в тактическом отношении со всей серьезностью.

Значительно хуже обстояло дело с материальным обеспечением армии к предстоящей операции. Тяжелое экономическое положение Германии оставляло и здесь свои следы. Заметно сказывался недостаток в конском составе и фураже, что послужило причиной деления дивизий на позиционные и ударные, из которых лишь последние располагали необходимым количеством упряжных лошадей в артиллерии и обозах. Оставляли желать много лучшего предметы интендантского снабжения; одежда и пища были далеко не такого качества, как в 1914 году.

Эти условия должны были заметно отразиться на общем моральном состоянии войск. Последнее было, несомненно, значительно хуже, чем во время вступления в Бельгию и Францию в 1914 году. К тому же, кадры армии успели в значительной мере выбыть из строя. Уже в 1917 году в сражении под Камбре одна из лучших дивизий громила захваченные у противника продовольственные склады; это было достаточно серьезным свидетельством сильного падения дисциплины. Длительное и, казалось, беспросветное ведение позиционной войны также значительно повлияло на падение столь сильного в первые годы наступательного духа. Наконец, русская революция и социалистическая пропаганда начинали медленно проникать в армию; призванный 99-й год внушал в этом отношении германскому командованию большую тревогу и заставлял его, устами Людендорфа, определять свою армию лишь как „род милиции с большим боевым опытом“ [1]). Тем не менее, эти признаки морального

[1]) Ludendorf. Meine Kriegserinnerungen.

падения наблюдались лишь в зачаточном состоянии и сравнительно легко покорялись сильной традицией, твердо поддерживаемой дисциплиной и авторитетом командного состава. Когда же в начале 1918 года начались приготовления к наступательной операции и стало ясным, что речь идет о последнем наступлении, которое должно было привести Германию к миру,—в войсках еще раз проснулась вся готовность к самопожертвованию и проявлению высокого духа.

В год решительного сражения германские армии стояли готовыми к той безмерно трудной задаче, которая им исторически оказалась все же непосильной.

Германский план операции.

(Схемы № 1 и чертеж № 1).

Решительная операция на западном фронте, имевшем вид сплошной забаррикадированной стены общим протяжением в 700 *км*, была, несомненно, величайшей задачей какая когда-либо возникала перед военным искусством. Три с половиной года здесь велась оборонительная война, изредка оживляемая наступательными попытками, нигде не имевшими, однако, решительного успеха. Невозможность прорыва укрепленной полосы без массового введения совершенно исключительных средств борьбы стала у союзников почти догмой. Ныне германцы собирались доказать ее ложность, сознавая вместе с тем величайшие трудности, которые перед ними стояли.

Работа по созданию оперативного плана решительной операции на западе началась в германском генеральном штабе уже осенью 17 года и имела свою сложную эволюцию.

Выбор направления наступления, соответствовавшего стратегическим целям и удовлетворявшего вместе с тем тактическим условиям успеха атаки, являлся, конечно, не легкой оперативной проблемой. В условиях позиционной войны последняя требовала, однако, заблаговременного разрешения.

Первые оперативные соображения о решительном наступлении на западе были созданы начальником оперативного отдела ген. штаба Ветцель еще в октябре 17 года и были затем развиты в ноябре. Эти соображения подчеркивали, что в основу плана предстоящей операции на западе должна быть положена возможность достижения решительной цели. Рассматривая вопрос под этим стратегическим углом зрения, Ветцель считает лишь одно направление удовлетворяющим условиям проведения решительной операции—это

именно удар левым крылом центральной группы на юг, сопряженный с наступлением армейской группы ее на С.-Миель, дабы этим комбинированным ударом охватить Верденский укрепленный район и окружить находившиеся в нем французские силы, численностью к тому времени до 11 дивизий. В случае успешности этой операции французский фронт, по мнению Ветцеля, был бы прорван в самом важном и решительном пункте своей обороны, и германские войска вышли бы в открытую Марнскую долину, имея полную маневренную свободу.

В тех же соображениях Ветцель рассматривает также возможность проведения первого решительного удара на фронте английских армий и считает здесь наиболее приемлемым направление по р. Лис. Признавая решительность этого направления, выводящего к морю по кратчайшему пути и таким образом отрезающего англичан от их питающей коммуникации из Англии, Ветцель все же подчеркивает встречающиеся здесь тактические трудности в виде массирования сил противника на хорошо укрепленных позициях и близости расположения сильных английских резервов.

Соображения Ветцеля не выходили, очевидно, из рамок штабной оперативной работы и предшествовали какому-либо официальному выражению мнений со стороны верховного и фронтовых командований. Такой официальный обмен мнений состоялся впервые 11 ноября 1917 года в Монсе, где, в сущности, и были выявлены основные вехи намечающейся операции. На этом военном совещании мнения о выборе направления наступления. были весьма различны. Начальник штаба армейской группы Баварского кронпринца ген. Куль высказывался за наступление на участке западнее Лилль в общем направлении на сев. запад, дабы сосредоточенные в дуге у Ипр силы противника охватить во фланг и тыл. Начальник штаба армейской группы германского кронпринца высказывался аналогично проекту Ветцеля.

Людендорф не соглашался ни с первым, ни со вторым мнениями. Он требовал, во первых, наиболее скорого начала наступления, дабы провести его ранее, чем к союзникам подоспеет американская помощь. Далее, он определенно высказывался за проведение первой решительной операции против англичан. „Мы должны разбить англичан“ [1])—выразился он, и в устах ученика Шлиффена это означало, что англичане должны быть уничтожены, что им должно быть дано сражение в масштабе Канн. Необходимо было, следовательно, избирать операционное направление, дававшее сразу возможность охватить все английские армии и далее прижать их

[1]) Ludendorf. Meine Kriegserinnerungen.

к морю, которое должно было сыграть роль недостающего Гасдрубала [1]).

Наступление к югу от Аргон поэтому отпадало и вело к тому же в слишком неудобную, по мнению Людендорфа, для действий гористую местность. Что же касается направления по р. Лис, то, признавая всю его стратегическую целесообразность, Людендорф от него отказывался вследствие трудных условий местности и проходимости долины р. Лис не ранее середины апреля; этот срок, по его мнению, слишком оттягивал начало наступления.

Людендорф находил наиболее соответствующим как стратегическим, так и тактическим условиям направление Сан-Кантен-Амьен. В районе С.-Кантена фронт был англичанами занят наиболее разреженно; местность не представляла здесь особых тактических препятствий и была уже проходима раннею весною. Необходимо было, правда, иметь в виду, что направление на Амьен пролегало через недавние поля сражения на реке Сомме. Это, однако, не признавалось серьезным препятствием.

В стратегическом отношении предлагаемое направление вело на стык английских и французских армий и давало таким образом возможность их разъединить и затем, упираясь левым флангом в Сомму, отбрасывать англичан в северо-западном направлении через Альбер к морю. Такой план обещал очевидно наибольший стратегический успех и ставил самый прорыв фронта в наиболее легкие тактические условия, которым Людендорф придавал огромное значение.

Эти соображения, впервые выявленные на совещании в Монсе, и легли в основу плана предстоящей операции.

Между тем, в конце ноября последовала внезапная атака англичан у Камбрэ и ответное на нее наступление германцев. Последнее позволило сделать многие тактические выводы о наступлении в условиях позиционной войны, основным из коих было чрезвычайно быстрое падение кинетической энергии наступления на известной глубине; наступательная сила германских дивизий иссякла в ноябрьском наступлении значительно скорее, чем это предполагали.

В декабре 17-го года подполковник Ветцель подчеркивал в одном из своих оперативных докладов, что не следует расчитывать на возможность быстрого продвижения в полосе укрепленных позиций, что при известном искусстве противника всякая атака в условиях позиционной войны должна рано или поздно замереть, как это и показали события у Камбрэ. Эти условия позиционной войны были чрезвычайной важности, требовали должного их учета при соз-

[1]) Брат Аннибала; в сражении у Канн командовал конницей.
Редакция.

дании плана операции и привели в итоге германский генеральный штаб к весьма важным выводам.

Во первых, стало очевидным, что план решительной операции нельзя строить на прорыве лишь одного участка фронта и на наступлении лишь на одном направлении, так, как это делалось на восточном и итальянском фронтах. Лишь целая комбинация чередующихся между собой частных прорывов могла расчитывать привести весь позиционный фронт в колебание. Поэтому уже в декабре месяце 17-го года разосланные армейским группам соображения верховного командования намечают следующие направления наступления:

1) Прорыв дуги в районе Ипр — условно названный „С.-Жорж“;

2) Прорыв севернее Аррас—условно названный „Марс“;

3) С.-Кантенский прорыв на Амьен—условно названный „Михаель“; он распадается на частные прорывы в направлениях: а) Бюлленкур-Бопом—„Михаэль I“, б) Севернее С.-Кантена—Перрон—„Михаель 2“, в) Ля-Фер—Шони—„Михаель 3“;

4) прорыв 3-й армии из района Аргон на юг—„Гектор“, сопряженный с прорывом первой армии в Шампани—„Ахилл“ и, наконец,

5) наступление в районе Люневиль—„Страсбург“.

Однако, согласно принятого плана нанесения поражения англичанам, наиболее важное значение придавалось прорывам С. Кантенскому (Михаель) и затем в районе Ипр (Марс), при чем последний должен был начаться на 14 дней позже.

Цель наступления „Михаель“ заключалась в выпрямлении вдававшейся у Камбрэ дуги и широком прорыве английского фронта в районе С.-Кантена. Оно должно было отвлечь из Фландрии резервы англичан и, разъединив их с французами, дать возможность оттеснить к морю в сев-зап. направлении весь английский фронт.

Цель наступления „Марс“ заключалась в прорыве лишенного резервов английского фронта во Фландрии в направлении на Газебрук и далее—охвате его левого фланга с целью отрезать от приморских баз.

Таким образом, под влиянием учета тактических условий позиционной борьбы, германское командование отказалось от наступления лишь на одном участке фронта и рассредоточило его на значительном протяжении от С.-Кантена в сущности до моря.

Второй не менее важный вывод из ноябрьских боев у Камбрэ заключался в оценке тактического элемента, который в позиционной войне превалировал очевидно совершенно исключительным образом. Стратегическая важность напра-

вления не могла служить единственным критерием для его выбора, если тактические условия позиции, массирование сил противника и сосредоточение его резервов не позволяли расчитывать на успех прорыва фронта. Под влиянием этого условия мысль о необходимости прорывать фронт там, где это возможно, т.-е. вообще где-либо прорвать, стала преобладающей.

„Тактику необходимо было поставить выше чистой стратегии"—говорит Людендорф. И эта горькая необходимость, а вовсе не ошибка Людендорфа, как это склонны полагать некоторые германские критики,—необходимость, вынужденная условиями позиционной войны, не могла не повлиять на развитие оперативного плана. Она именно заставила Людендорфа окончательно выбрать для первого решительного удара фронт к северу и югу от С.-Кантена, представлявшего в тактическом отношении наиболее слабое место противника.

По сведениям германцев, фронт от Арраса до реки Уазы занимали две английские армии: 3 армия Кинга от Арраса до Гузокур, имея в первой линии 8 и в резерве 7 дивизий, и 5 армия Гафа от Гузокур до р. Уазы, имея в первой линии 17 и в резерве 6 дивизий. Итого на всем фронте от Арраса до р. Уазы имелось 38 англ. дивизий, из которых 6—кавалерийских. В общем резерве на этом участке предполагалось лишь около 6 дивизий, между тем как севернее, по сведениям германцев, в общем резерве находилось до 15 дивизий, перед фронтом германского кронпринца 20 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, а перед фронтом Гальвица и герцога Альбрехта—от 13 до 17 дивизий. Таким образом, участок 3 и 5 английских армий являлся в отошении живой силы наиболее слабым местом противника. Таковым же он являлся и в отношении своих укрепленных позиций, не имевших никаких тактических преимуществ. Фронт 3 английской армии был, правда, сильнее укреплен, имея две хорошо оборудованные линии: первую и затем линию поддержек. Однако, позиции на фронте 5 армии, принятые англичанами от французов лишь в январе 18 года, оставались еще незаконченными. Тыловая зона 5 армии представляла, в сущности, лишь арриергардные позиции, почему весь центр тяжести обороны должен был на этом участке базироваться на передовой линии. Также слабо была оборудована линия р. Соммы. Как наиболее доступные места расценивались участки у Камбрэ и у Ля-Фер, где англичане возлагали все надежды на болото. Таким образом, становилось очевидным, что фронт 3 и 5 анг. армий, и в особенности последней, являлся наиболее слабым местом противника.

„Эти тактические условия и на первом месте слабые силы противника"—говорит Людендорф—„и заставили меня

С.-Кантенское направление выбрать для первой решительной атаки" [1]).

Это решение Людендорфа и было положено в основу группировки армии к наступлению.

17-го декабря последовал приказ о занятии новой 18 армией ген. Гутие (прослывшего после Рижской операции специалистом по внезапным прорывам) фронта к югу от 2 армии между ручьем Оминьон и рекой Уазой, т.-е. на С.-Кантенском направлении.

24-го января был отдан приказ о занятии новой 17 армией (до того 14 армия в Италии) ген. Белова фронта между 6 и 2 армиями от Ленса до Камбрэ.

Тогда же последовала директива, согласно которой атака „Михаеля" 17, 2 и 18 армиями на фронте Круазиль-Ля-Фер (чертеж № 1) считалась первым актом наступательной операции на западе и намечалась предположительно в середине марта.

Задача наступления „Михаель" заключалась в широком прорыве английского фронта в районе С.-Кантена с целью охвата правого фланга англичан и их отбрасывания в северо-западном направлении; с запада и юго-запада этот маневр должен был обеспечиваться на линии р. Соммы и Крозатского канала. Вместе с тем, эта операция должна была отвлечь резервы англичан из района севернее Арраса.

К тому же времени относится и подчинение 18 армии фронту германского кронпринца, что предопределяло проведение операции на стыке двух армейских групп. Согласованность оперативных действий должна была от этого несомненно пострадать. Людендорф стоял, однако, на той точке зрения, что, подчинив наступающие армии двум командованиям, главная квартира в бо́льшей степени обеспечивала свое влияние на развитие операции. Думается однако, что этот вопрос был бы в этом отношении несравненно лучше разрешен, если бы верховное командование непосредственно подчинило себе три армии, предназначенные к наступлению. Несомнено, что в разрешении этого вопроса имели значение также и династические интересы; главная квартира желала, по словам Людендорфа, привлечь к проведению решительной операции на западе германского кронпринца.

Итак, основная задача наступления „Михаель" заключалась в достижении линии реки Соммы с целью дальнейшего отбрасывания англичан в северо-западном направлении и охвата их левого фланга—эта задача не была изменена. Однако, принятая в январе группировка сил в очень малой степени соответствовала ее проведению. Ведь, захват линии реки Соммы являлся лишь средством обеспечения левого

[1]) Ludendorf. Meine Kriegserinnerungen.

фланга армий, которые должны были далее совершать весьма трудное захождение левым плечом в направлении на Альбер-С.-Поль с целью достижения конечной и решительной задачи охвата правого фланга англичан и их отбрасывания к морю. Между тем, для осуществления этой второстепенной стратегической задачи уже сейчас предназначалась половина сил, сосредоточенных для наступления „Михаель", именно левый фланг 2 армии и 18 армия, которые были нацелены на линию реки Соммы.

Лишь наступавшие к северу от реки Соммы на фронт Круазиль-Перрон силы, т.-е. 17 армия и правый фланг 2, были нацелены на главное направление. К тому же в исходном положении эти армии, благодаря линии фронта, загибавшейся здесь с сев.-зап. на ю.-вос., смотрели на ю.-зап. и должны были, таким образом, затем совершить захождение левым плечом почти на 90°, что в условиях боевого соприкосновения с противником является маневром исключительной сложности.

Таким образом, принятая уже в январе месяце группировка сил находилась в известном противоречии с принятым планом операции.

Между тем, командование 18 армии плохо мирилось с поставленной ей ограниченной задачей выхода лишь на линию реки Соммы и Крозатского канала, где она должна была обеспечить левый фланг 2 и 17 армий при их движении на сев.-зап.

Уже в январе месяце начальник штаба 18 армии ген Зауберцвейг изложил штабу армейской группы свои соображения о том, что атака ю.-вост. С.-Кантена, где фронт до р. Уазы был ныне занят англичанами, является по тактическим условиям наиболее легкой, почему 18 армия, очевидно, уже через двое суток достигнет линии р. Соммы и Крозатского канала. Командование германского кронпринца развило эти соображения, указав главной квартире на желательность, в случае успешного развития атаки 18 армии, привлечь к наступлению и правофланговые дивизии 7 армии для того, чтобы перенести наступление и за реку Сомму.

3 марта Людендорф собственноручно ответил германскому кронпринцу, что „при быстром и удачном развитии атаки является желательным, чтобы левое крыло 18 армии продвинулось за канал, для чего следует возможно бо́льшее число дивизий 7 армии сосредоточить для переброски через Ля-Фер". (Атака 7 армии на ее правом фланге получила условное название „Эрженгель").

Таким образом, план наступления „Михаель" получил свое дальнейшее развитие. Германское командование, предвидя возможность большого тактического успеха у С.-Кантен, очевидно отказывалось от ограниченной задачи, поста-

вленной сначала 18 армии, и предусматривало ее продвижение за Крозатский канал в западном, а по ходу событий возможно и ю.-зап. направлениях. Вместе с тем, центр тяжести операции заметно передвигался к югу. Здесь у С.-Кантен была сосредоточена половина всех сил, предназначенных к наступлению; здесь ставились ныне широкие наступательные задачи. Оперативная возможность развития наступления при этих условиях в сев.-зап. направлении с целью нанесения решительного поражения англичанам становилась более чем сомнительной.

Эта идея вообще не была единственной при разработке плана предстоящего наступления. Как раз накануне его начала 20 марта ген. Людендорф в телефонном разговоре с начальником штаба армейской группы баварского кронпринца разъяснил, что, в случае успеха прорыва в центре, он намерен второй армии дать направление на Дулланс-Амьен и затем повернуть на юго-запад, если 18 армия встретит сильное сопротивление противника на линии Крозатского канала. 17 армия должна была бы в этом случае одна продолжать наступление южнее р. Скарпа. Эти соображения Людендорфа коренным образом ломали первоначальный план операции. Вместо развития прорыва в сев.-зап. направлении с целью нанесения решительного поражения англичанам получалось развитие операции в ю.-зап. направлении. Вместе с тем, вся операция по своей конечной цели изменялась. Тактические соображения сыграли при этом доминирующую роль. Германское командование думало, очевидно, развивать прорыв в том направлении, где тактические условия это сделают наиболее легким. Задача наступления — нанесение поражения англичанам—была поставлена, но выполнение ее не находило определенного разрешения. Предстоящая операция стала в стратегическом отношении крайне неопределенной. Во всяком случае, становилось очевидным уже сейчас, что с форсированием реки Соммы и Крозатского канала направление наступления 18 армии становилось неизбежно эксцентрическим по отношению к сев.-зап. направлению наступления 17 армии и части 2 армии.

К тому же, расширяя задачи и увеличивая силы путем привлечения 7 армии на южном С.-Кантенском участке,— германское командование оставляло без изменения положение 17 армии, которой с стратегической точки зрения— именно нанесения поражения англичанам движением на сев.-зап. — принадлежало несомненно решающее значение. 17 армии отказали в просимом ею удлинении фронта к северу под предлогом отсутствия для этого достаточных сил. Вся суть заключалась, однако, в том, что на фронте 17 армии массирование сил противника и условия местности не обещали столь несомненного тактического успеха.

Группировка сил для наступления соответствовала лишь тактическим условиям и потому уже заранее делала сомнительной возможность стратегического развития операции.

Соображениями о перенесении наступления 18 армии за линию реки Соммы и Крозатского канала закончилась эволюция германского плана операции; наступивший март месяц приостановил его дальнейшее развитие.

Принятой группировкой сил и задачей, поставленной 18 армии, этот план был настолько видоизменен, что его основная цель—нанесение решительного поражения англичанам путем отбрасывания их в сев.-зап. направлений—оставалась в сущности абстрактной идеей. Приближающийся срок наступления должен был это доказать.

Сосредоточение германцев к наступлению „Михаель".

Март месяц, как наиболее поздний срок наступления „Михаель", был Людендорфом назначен уже в январе месяце. Усиленные перевозки американских войск во Францию заставили его ныне этот срок окончательно принять.

В начале марта германская главная квартира переехала из Крейцнаха в Спа, выдвинув затем свой оперативный штаб в Авен, где находилось также командование 18 армии.

Между тем, сосредоточение всех сил, предназначенных к наступлению, закончилось. Они числили в своем боевом составе:

Армии:	Позиц. дивизии.	Ударные дивизии.	Резерв Верхов. Команд.	Артиллерия:		
				Легкие батареи.	Тяжелые батареи.	Тяжелые бат. особ. назнач.
17	2	15	3	315	208	16
2	3	15	—	250	196	11
18	5	19	—	385	297	28

Итого: 62 дивизии, 950 легких батарей, 701 тяжелых батарей и 55 тяжелых батарей особого назначения.

Из этой таблицы явствует, что силы правого крыла, предназначенного для выполнения главной и решительной задачи, в сущности даже уступали силам левого крыла.

Перечисленные силы были в начале марта 1918 года готовы для прорыва фронта в 80-ти *км* от Круазиль до Ля-Фер (схема № 2).

10 марта последовала основная директива главной квартиры о наступлении „Михаель". Выражая план германского командования, она гласила:

„....Начальник Штаба 1 a 7070 Гр.	Главная квартира 10.3.1918. Выпущен 12.3.1918.

По приказанию его величества:

1) Атака „Михаель" состоится 21-го марта. Нападение на первую неприятельскую позицию 9 ч. 40 м. утра.

2) Первым стратегическим заданием группы кронпринца Рупрехта является охват англичан в секторе Камбрэ и занятие района севернее реки Оминьон, впадающей в Сомму, до линии Круазиль—Бапом—устье Оминьона. При удачном ходе атаки на правом крыле (17-я армия), ее следует продолжить за Круазиль.

Дальнейшей задачей группы является атака в направлении Аррас—Альбер, опираясь при этом левым крылом на Сомму у Перрона. Имея центр тяжести на правом крыле, надлежит поколебать английский фронт и перед 6-й армией, освобождая расположенные здесь на позиции германские силы для маневренной войны. В этом случае должны быть немедленно подтянуты все дивизии, стоящие за 4-й и 6-й армиями.

3) Группа германского кронпринца сперва продвигается до Соммы и Крозатского канала южнее Соммы. При быстром продвижении 18-й армии надлежит захватить переправы через Сомму и канал. Вместе с тем, 18 армия должна быть готова распространить свое правое крыло до Перрона. Группа озаботится об усилении левого крыла 18 армии дивизиями 7-й, 1-й и 3-й армий.

4) 2-й гвардейской, 26-й и 12-й пехотными дивизиями распоряжается верховное командование [1]).

5) Окончательные решения об атаках „Марс" и „Эрзенгель" верховное командование оставляет за собой в зависимости от хода операции. Подготовку производить беспрерывно.....".

Руководящей идеей этой директивы оставалось, таким образом, нанесение поражения англичанам: группа Баварского кронпринца (17 и 2 армии) получила определенную задачу

---

[1]) Расположены в районе Дуэ. *Редакция.*

отбрасывать английский фронт после прорыва в сев.-зап. направлении, между тем как 18 армия, продлив свой правый фланг до Перрона, должна была взять на себя обеспечение левого фланга этой операции на линии реки Соммы.

В развитие директивы главной квартиры армейские группы отдали 14—16 марта свои приказы, при чем германский кронпринц подчеркнул наступательный характер предстоящих действий 18 армии, которая „в целях дальнейшего наступления должна завладеть всеми переправами на реке Сомме и Крозатском канале от С. Христ до р. Уазы".

10 марта началось боевое снабжение дивизий к наступлению. Затем в последние ночи перед атакой дивизии заняли свои исходные положения, эшелонированные в 3-х линиях. От 3-х до 7-ми дивизий были объединены под командованием армейского корпуса [1]).

Эшелонирование германских дивизий перед наступлением.

Армии	1-я линия	2-я линия	3-я линия
17-я . .	9	6	2
2-я . .	9	5	4
18-я .	12	8	4

Подготовка англо-французов к обороне.

В то время, когда у германцев шла напряженная работа по подготовке к последнему решительному сражению, союзники не менее интенсивно готовились к обороне.

Правда, работа эта протекала далеко не так организованно, и основной причиной тому было уже упоминавшееся отсутствие единого централизованного командования.

В тактическом отношении вопрос об обороне в условиях позиционной войны получил у французов разрешение еще в 1917 году. По мнению Петэна, первая линия должна была лишь на время сдержать наступление противника и могла быть потому занята более слабыми силами. Главное сопротивление должно было оказываться на второй сильно занятой линии. Петэн встретил, правда, в своих тактических взглядах сильное противодействие. Многие войсковые начальники счи-

[1]) Сила германской дивизии определялась: 9 батальонов и 11—14 батарей, что дает до 12.000 бойцов. *Редакция.*

тали невозможным сдать позиции, захваченные столь дорогой ценой в 15 году. Резко возражал также против отступления, хотя бы на один шаг, Клемансо, так что в итоге французское командование должно было разъяснить, что главная линия обороны может в частных случаях, в зависимости от обстановки, выбираться самими войсковыми начальниками.

При отсутствии точных сведений о направлении германского наступления несравненно труднее было разрешение вопроса обороны с стратегической точки зрения. Наиболее важное значение имело здесь, конечно, сосредоточение сильных резервов на вероятных направлениях германского наступления. Французское командование ожидало германское наступление либо против английского фронта у Камбрэ, либо против французских армий у Реймса (схема № 1). 39 дивизий должны были, по мысли Фоша, составить общий резерв путем выделения соответствующего их числа из каждой национальной армии, находящейся на французском театре военных действий. Фош предлагал этот резерв расположить тремя группами: наименьшую группу в Дофине[1]), в предвидении мало вероятного германского наступления в Италии. Эта группа могла быть, однако, присоединена и к главной части резерва, которая должна была расположиться в районе Парижа, откуда она могла быть сосредоточена и к Камбрэ и к Реймсу. Наконец, третью часть резерва Фош предполагал разместить в районе Амьена за наиболее слабым участком 5 английской армии.

Этот план не был, однако, приведен в исполнение. Хейг отказался выделить требуемые от него 7 дивизий; вслед за ним отказались это выполнить и итальянцы. План, таким образом, распался; вместе с тем, верховный военный совет показал всю свою немощь и потерял в сущности всякое значение. Подготовка к обороне оказалась децентрализованной и велась каждым командованием национальной армии отдельно.

Французское командование ожидало наступления германцев лишь частично против правого фланга англичан, и, главным образом, против своих армий в районе р. Марна.

Уже в феврале покров неизвестности стал постепенно спадать. Разведывательные данные говорили о сосредоточении значительных сил германцев в изгибе фронта, образуемом у Лаона (схема № 1). В конце февраля воздушная разведка донесла о крупных железно-дорожных перевозках, об усиленном дорожно-мостовом строительстве и увеличении числа военных складов на всем германском фронте от Лилль до Уазы. Это особенно заметно было на участке от Арраса до Ля-Фер, т. е., против фронта 3 и 5 английских армий.

---

[1]) Провинция Франции, вблизи итальянской границы.

Значительное волнение в английских военных кругах возбудило сведение о якобы найденных в районе С.-Кантен признаках германских танков.

Из всех полученных сведений Хейг заключил, что наступление германцев последует на фронте южнее Арраса: 19 марта, т. е. за два дня до начала германского наступления, английскому командованию стало известно от двух германских перебежчиков, что атака последует на фронте Аррас—С.-Кантен.

Таким образом, мартовское наступление германцев ни в коем случае не было неожиданным для англичан, хотя маршал Хейг и полагал, что главная атака противника последует на северном участке у Арраса, а не у С.-Кантена.

В январе 1918 года англичане заняли 220 *км* фронт от Ипра до Уазы силами в 57 дивизий; из них 40 дивизий находилось в первой линии, 10—в армейских резервах и 7 дивизий—в специальном резерве маршала Хейг.

Английское командование придавало наиболее серьезное значение северному участку своего фронта. Направления к морским портам Дюнкирхен, Калэ и Булонь признавались наиболее важными, подлежащими безусловно прочному обеспечению. Маршал Хейг считал невозможным отступить на своем северном участке хотя бы на один шаг. 2-я и 1-я армии занимали потому от Ипра до Арраса наиболее малые фронты, имея в своем тылу достаточные резервы.

Иначе оценивался английским командованием южный участок к югу от Арраса. Здесь считалось возможным отступить на линию р. Соммы без каких-либо серьезных при этом стратегических последствий. Очевидно, в обеспечении стыка с французами и пролегающего у него кратчайшего направления на Париж англичане были значительно меньше заинтересованы, чем в обеспечении своих приморских баз, через которые пролегали их коммуникации в Англию. С обще-стратегической точки зрения соображения английского командования были, однако, навряд ли приемлемы.

В итоге фронт от Арраса до р. Уазы (черт. № 1) оказался англичанами занят наиболее слабо. Участок от р. Скарпа до Гузокур протяжением в 39 *км* занимала 3-я армия ген. Бинга, имевшая в первой линии 10 дивизий и в резерве 7 дивизий [1]). Фронт от Гузокур до Баризи (южнее Ля-Фера), протяжением в 62 *км*, занимала 5-я армия Гафа, имевшая в первой линии 11 дивизий и в резерве 3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии.

Таким образом, 31 английские пехотные дивизии должны были в мартовском сражении противостоять силам германцев, превосходившим их ровно в 2 раза.

---

[1]) Сила английской дивизии определялась в 12 батальонов (по 4 батл. в бригаде) и 12—18 батарей, что дает около 13.000 бойцов. *Редакция.*

Остается вопросом, почему маршал Хейг, осведомленный о направлении германского наступления, не предпринял мер к усилению своего южного угрожаемого фланга. Между тем, он сам признавал, что 5 армия слишком слаба, находя для этого оправдывающие обстоятельства в том, что при большом протяжении фронта не представляется возможным во всех угрожаемых пунктах быть достаточно сильными.

„Являлось потому необходимым—говорит Хейг,—во-первых, прочно обеспечить наиболее важное направление“ [1]). А таковым считалось северное, как кратчайшее к морю.

Что же касается южного участка, то при его обеспечении маршал Хейг расчитывал на возможность быстрой поддержки со стороны французов. Между тем, последние выражали свое открытое недовольство мероприятими Хейга и резко критиковали его. Де-Киврие говорит, что „Хейг был загипнотизирован мнимой угрозой своему левому флангу и потому не имел в районе между Скарпой и Уазой никаких стратегических резервов“ [2]). Критикуя англичан, французы, однако, забывают, что, в сущности и, их резервы, кроме 3-й армии ген. Гумберта в районе Мондидье, были значительно более рассосредоточены к востоку, частью в Франш-Контэ, частью в районах Майи и Туля, чем того требовали сведения об ожидаемом наступлении германцев на стыке англичан и французов.

Располагая свои резервы союзники, несомненно, расчитывали на то, что предварительный артиллерийский огонь позволит своевременно сосредоточить к угрожаемому пункту необходимые силы. Короткая артиллерийская подготовка в продолжение лишь нескольких часов была в этом отношении для союзников полной неожиданностью и явилась одной из основных причин германского успеха.

Из всех подготовительных мероприятий союзников к встрече германского наступления усматривается, сколь трудна в отношении расположения резервов организация обороны в условиях позиционной войны вообще, ибо в конечном итоге все же никогда неизвестно точное направление атаки противника. И эта неизвестность в напряженном ожидании германского наступления создавала у союзников несомненно тревожное настроение.

Между тем, германцы как-будто не спешили; прошли январь и февраль. Беспокойство распространялось в войсках и в тылу. Стали раздаваться голоса, требовавшие немедленного наступления и порицавшие пассивность Петэна, ведущего-де Францию к гибели своею невыносимой нерешительностью. Однако, Петэн и Клемансо оставались твердыми и

---

[1]) Kuhl. S. 71.
[2]) Kuhl. S. 72.

ЧЕРТЕЖ № 1

сосредоточение германских армий и расположение англичан на фронте „Михаель“.

непоколебимыми. Они понимали, что каждый отсроченный день означает их усиление еще на одну свежую часть американских войск.

И когда напряжение союзников достигло, казалось, своего высшего предела, на рассвете 21-го марта рев тысячи германских орудий оповестил мир о начале последнего акта европейской войны.

Боевые действия в Пикардии с 21 марта по 9 апреля.

Схема № 2.

В 3 ч. 30 минут 21-го марта германская артиллерия открыла ураганный огонь на 80-ти *км* фронте от Круазиль до Ля-Фер.

С демонстративными целями такой же огонь был открыт на широких участках к северу и югу от фронта намеченной атаки.

Два часа артиллерийский огонь был сосредоточен на английских батареях, затем он был большей частью перенесен на позиции пехоты. В 9 ч. огонь стянулся в огневой вал, который начал свое медленное продвижение от линии германских позиций. Под его покровом из некогда закостеневших окопов выросли густые цепи наступавших германских дивизий. К 10-ти часам английские войска были совершенно подавлены небывалым до сего времени огнем артиллерии; в это время и началась пехотная атака трех германских армий.

17 армия, наступавшая в юго-зап. направлении, имела против себя наиболее сильного противника; ей удалось к вечеру 21 марта достичь лишь второй линии английских позиций, продвинувшись в общем в глубину на 2—3 *км*; 2-я армия, наступавшая прямо на запад, встретила сильное сопротивление у высоты Эпехи, которая была, однако, ею обойдена с севера и юга. Комбинированным ударом 17 и 2 армий дуга у Камбрэ оказалась охваченной в первый же день сражения. Наибольший успех уже в первый день наступления имела 18 армия, продвинувшаяся к вечеру 21 марта в глубину на 5—6 *км*.

22-го марта. 22 марта германская атака продолжалась с неослабеваемой энергией. Этот день принес германцам большие успехи. Им удалось почти полностью овладеть второй линией английских позиций и преодолеть ту полосу, в которой находились артиллерийские позиции англичан.

17 армия продвинулась далее в южном направлении. 2 армия достигла линии Нюрлю—Голенкур. Тем самым англичане попали в районе Камбрэ в мешок, который им пришлось спешно очищать. Наиболее значительны были в этот день успехи опять на фронте 18 армии, которая своим левым флангом достигла линии Крозатского канала, отбросив 5 английскую армию на западный берег последнего. Многочисленные пленные и орудия стали здесь добычей германцев. 5 английская армия понесла уже в этот день значительный урон.

Таким образом, на второй день сражения тактический успех германцев, главным образом, на левом фланге, южнее С.-Кантен, становился несомненным. Вопрос заключался лишь в том, успеет ли противник своевременно сосредоточить к угрожаемым пунктам необходимые резервы.

Между тем, подобное развитие германского наступления было для союзников полной неожиданностью. Маршал Хейг был, правда, осведомлен о направлении удара германцев, но та быстрота, с которой он развивался, и, главное, столь краткая артиллерийская подготовка заставила его, равно как и французов, даже усомниться в том, является ли эта атака решительным наступлением германцев. Еще 24 марта Петэн колебался предоставить Хейгу значительные резервы, ибо полагал, что главный удар германцев последует у Реймса, где велся сильный артиллерийский огонь. Тем не менее, слабость правого фланга англичан и достигнутые германцами южнее С.-Кантен успехи заставили французское командование уже 22 марта сосредоточить к Крозатскому каналу 5 армейский корпус генерала Пелле (9 и 10 пех. и 1 кав. дивизии). Французы прибыли, правда, без лошадей и артиллерии, но в ночь на 23 заняли боевой участок на правом фланге англичан.

Первое изменение германского плана операции. Между тем, достижение 18 армией линии Крозатского канала и, очевидно, успешное продвижение последней к Сомме поставили перед германским командованием вопрос о развитии тактического успеха на левом фланге, как это уже предусматривалось командованием 18 й армии. В 9 ч. 15 м. 23 марта ген. Людендорф указал на необходимость преследования англичан левым флангом 2-й и 18-й армиями и за р. Сомму. В 10 же ч. 20 м. последовала директива главной квартиры, согласно которой 17 армия должна была повести энергичное наступление на Аррас—С. Поль, а своим левым флангом на Миромон (Черт. № 2). 2 армии указывалось направление на Миромон—Лион, а 18-й армии—на Шольне—Нуайон.

В стратегическом отношении этот момент явился поворотным в развитии операции и коренным образом менял

основную директиву к наступлению „Михаеля“ от 10 марта. Согласно этой последней, 18 армия должна была с выходом на линию р. Соммы продлить свой правый фланг до Перрона, т. е. до изгиба Соммы на запад. Отныне же южнее Соммы должна была наступать и значительная часть 2 армии; этим весь центр тяжести операции перемещался на южный фланг, в то время как на северном фланге для проведения решительного удара против англичан оставались лишь часть 2-й и 17-я армия.

В журнале военных действий армейской группы Баварского кронпринца мы находим по этому поводу следующую заметку: „под влиянием тактического успеха на левом фланге главная квартира очевидно все более склонялась к мысли отказаться от своего первоначального плана—разбить англичан“. И это было несомненно так. Оперативные распоряжения 23 марта лишили первоначальный план всякой реальной возможности осуществления. Объективно германское командование отклонилось в этот день от своей основной идеи нанесения решительного поражения англичанам.

23-го марта. 23 марта 17 армия перешла южнее Скарпы в наступление своим правым флангом. Главные силы армии продолжали продвижение в ю.-зап. направлении на Бапом. Армии предстояла ныне трудная задача захождения своим левым плечом для того, чтобы выстроиться фронтом на сев.-зап.

2 армия достигла 23 марта линии р. Соммы у Перрона и южнее этого пункта. Значительны были опять успехи на фронте 18 армии, которая форсировала у Гама и южнее его линию р. Соммы и Крозатского канала. Таким образом, часть 2 и 18 армия наступали в этот день уже согласно новой директивы прямо в западном направлении южнее р. Соммы от Перрона на Амиен.

Достигнутые 23 марта германцами успехи и их выход на линию р. Соммы делали положение союзников уже весьма серьезным. Наступление германцев вполне выяснилось; к тому же, в этот день германские орудия сверхдальней стрельбы начали обстрел Парижа из района Ля-Фер.

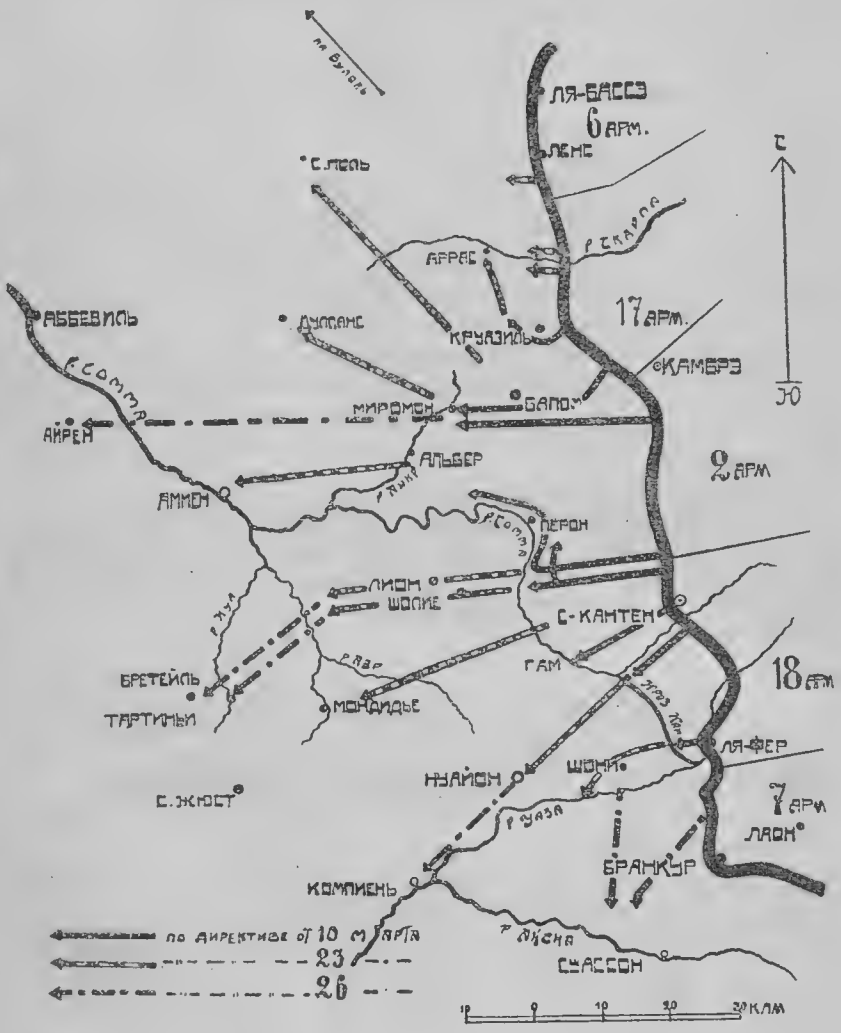
3 английская армия, правда, еще оказывала упорное сопротивление севернее Соммы и особенно стойко держалась у Арраса. Однако, южнее положение сильно пострадавшей 5 армии становилось критическим и серьезно угрожало прочности стыка англичан и французов.

5 французский корпус был 23 марта отброшен к Нуайону, создав, таким образом, вдоль течения р. Уазы прорыв между английским и французским фронтами. Командующему 3 французской армией генералу Гумберту, вступившему в командование всеми союзными войсками на участке от р. Соммы до р. Уазы, удалось этот прорыв в ночь на 24 марта опять

заткнуть. Становилось, однако, очевидным, что англо-французский стык, а вместе с ним и направление на Париж находились под серьезной угрозой. Теперь французское

ЧЕРТЕЖ № 2

направлений наступления германских армий.



командование стало спешно подтягивать свои резервы. Части 1 армии были из района западнее Нанси на автомобилях переброшены в район Мондидье. Здесь они вместе

с 3 армией составили группу резервных армий под командованием ген. Файоля.

24 марта. 24 марта принесло германцам новые крупные успехи. Несмотря на стойкое сопротивление англичан между Скарпой и Соммой, 17 армии удалось значительно продвинуть свой левый фланг, взять Бапом и тем самым развернуться фронтом уже прямо на запад. 2 армия прорвалась далее на запад в районе Комбля и вышла на поля сражения у Соммы в 1916 году. В районе Перрона левый фланг 2 армии форсировал Сомму. 18 армия, встречая на левом фланге заметное сопротивление подоспевших французских резервов, все же продвинулась далее в западном направлении на фронт Нель-Нуайон.

25 марта. Также и 25 марта наступление германцев продолжалось на всем фронте, несмотря на попытки 3 французской армии перейти в наступление между Соммой и Уазой на фронт Нель-Нуайон. 18 армия ответила на это энергичными атаками в общем направлении на Мондидье. Также и севернее германцы продолжали успешно продвигаться, при чем 17 армия, преодолев стойкость англичан южнее Скарпы, достигла своим левым флангом истоков реки Анкр у Миромона, заняв тем самым фронт, допускавший дальнейшее наступление в сев.-зап. направлении. Таким образом, трудное захождение левым плечом почти на 90^0 было ген. Беловым успешно достигнуто.

26 марта. 26 марта наступление „Михаеля“ достигло по своим успехам кульминационного пункта. 17 армия развивала свое наступление в общем направлении на сев.-зап. 2 армия достигла течения р. Анкр и заняла Альбер. 18 армия взяла Руа и Нуайон, приближаясь крупными шагами к Мондидье.

Положение и действия союзников.

В дни 25—26 марта положение союзников стало особенно критическим. 3 английская армия, получившая подкрепление и сравнительно наиболее сохранившаяся, была между Скарпой и Соммой отброшена в сев.-зап. направлении. 5 английская армия, отступившая на Амьен, понесла громадные потери и уже к вечеру 25 марта прекратила в сущности свое существование. Ее командующий ген. Гаф был смещен. Из всех 57 английских дивизий от $^1/_4$ до $^1/_3$ было уничтожено. 25 марта фронт между англичанами и французами в полосе между Аврой и Уазой был прорван. „Между обеими армиями“,—говорит ген. Манжен,—„образовался про-

рыв шириной до 15 *км*, в котором не находилось ни одного человека" [1]).

Опасность, возникшая благодаря этому прорыву и обнажению внутренних флангов английского и французского фронтов, была чрезвычайно велика. Взятие же Амьена должно было окончательно разъединить союзные армии и неизбежно привести их к тяжелому поражению.

Союзное командование считало, казалось, 25—26 марта дело потерянным. Маршал Хейг приготовлялся к общему отступлению на берег Ла-Манша к приморским гаваням. Петэн же делал приготовления к эвакуации Парижа и спешно перенес свою главную квартиру из Компьена в Провинс.

В одной из своих статей, помещенных в газете „Матен" уже после войны, маршал Фош рассказывает об этих днях: „По всему, что я слышал, Петэн намеревался отступать за Париж, а Хейг—к морю. Ворота были германцам раскрыты, и это означало полное поражение" [2]).

Если союзным командованием овладела известная растерянность, то в отступивших английских войсках делались заметными все признаки деморализации. Тыловой район у Амьена представлял чрезвычайно грустную картину. По дорогам, ведущим на запад, тянулись парки, обозы и покидавшее свои места население; среди него встречались и одиночные группы раненых и изнеможденных англичан, на лицах коих оставались еще свежие следы пережитых ими за последние дни ужасов. Один французский офицер 5 кавалерийской дивизии пишет: „Это была печальная картина проигранного сражения, которую мы в последний раз наблюдали в 1914 году [3]).

Очевидно, моральная подавленность, господствовавшая в союзном лагере, была близка к деморализации. Если бы в это время германцы бросили в образовавшийся между англичанами и французами прорыв кавалерию, гибель союзников стала бы неизбежной—таково мнение маршала Хейг.

Во всяком случае, 26 марта союзники были, несомненно, близки к своему поражению. И вот, в этот тяжелый день в Дуллансе собрался союзный военный совет, на который прибыли лорд Мильнер, ген. Вильсон, Пуанкарэ, Клемансо, Петэн, Хейг и Фош. Английский майор Литтон, присутствовавший на заседании, передает о чрезвычайно подавленном настроении его участников и рассказывает, что совещание напоминало скорее „консилиум знаменитых врачей у кровати умирающего больного".

---

[1]) Kuhl S 73.
[2]) Kuhl. S 76.
[3]) Kuhl. S. 76.

Более оптимистически смотрел на положение лишь один Фош, чем он и обратил на себя всеобщее внимание. Необходимость единого командования сознавалась ныне всеми; и по предложению лорда Мильнера выбор главнокомандующего всеми союзными армиями пал на генерала Фоша, который должен был „согласовать оперативные действия союзных армий на французском театре военных действий".

Правда, единое командование было полностью осуществлено лишь 3 апреля, когда ген. Фошу на конференции в Бовэ было официально передано „стратегическое руководство военными операциями". Звание же главнокомандующего всеми союзными армиями Фош получил лишь в конце апреля. Как бы то ни было, постановление Дулланского совещания было в этом отношении поворотным пунктом в руководстве операциями, а отсюда и во всем положении на фронте.

Со свойственной ему энергией и темпераментом ген. Фош уже в ночь на 27 марта изложил Хейгу и Петэну свои основные оперативные соображения.

„Главная задача момента заключается в восстановлении нарушенной связи между англичанами и французами". Это Фош выразил в простой и ясной мысли: „прикрытие Амьена. Париж и гавани на берегу Ла-Манша, несомненно, важные жизненные пункты; однако, они разъединяют нас и могут лишь позже быть приняты во внимание". На их место гений Фоша поставил непосредственно важную и об'единяющую цель: „Амьен" [1]).

Обеспечение Амьена имело, несомненно, совершенно исключительное значение, ибо через этот пункт проходила ныне единственная железная дорога, связывавшая английские и французские армии. Эта задача и легла в основу последующих оперативных действий союзников. Для ее осуществления Фошу оставалось, в сущности, довершить те оперативные мероприятия, которые уже ранее были приняты Петэном.

Крупные французские резервы — 1 и 3 армии под командованием ген. Файоля—сосредоточились между Аврой и Уазой уже 25 марта. 26 марта разбитая 5 английская армия была южнее Соммы сменена 4 английской армией ген. Роулинсона. Вся эта группа двух французских и одной английской армий поступила 26 марта под командование ген. Файоля, которому Фош, будучи еще не в состоянии определить, куда германцы наносят главный удар: на Амьен или Париж, дал приказ „преградить германцам дорогу на Париж и прикрыть Амьен".

---

1) I. R. „Foch". Kuhl. S. 77.

Вечером 26 августа группа французского ген. Мепля полностью замкнула прорыв между англичанами и французами в районе Нель.

Этот момент и знаменует собой кризис всей операции. Если до него германское наступление наростало в своей силе, то с 27 марта оно, правда, продолжаясь и имея даже еще крупный успех, начинает все же терять свою кинетическую энергию. Вместе с тем, сопротивление союзников становится все более стойким и можно было уже предвидеть момент, когда оно полностью приостановит дальнейшее продвижение германцев. К тому же Фош напрягал все усилия, чтобы в районе севернее Уазы сосредоточить наибольшие силы; он вызывал резервы из Эльзас-Лотарингии и Италии. До 5 апреля ему удалось сюда стянуть: 14 корпусных командований, 2 командования кавалерийских корпусов, 45 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

Изменение германского плана операции.

Между тем, появление севернее Уазы крупных французских сил и сказавшееся благодаря этому уже 25 марта заметное усиление сопротивления на левом фланге 18 армии — поставили перед германским командованием вопрос о плане действий против сосредоточившихся французов.

Первоначальный замысел операции был германской главной квартирой уже нарушен 23 марта, когда часть 2-й и 18-я армии получили приказ наступать прямо в западном направлении через Сомму, которую они успели к 26 марту оставить далеко позади себя. Уже тогда центр тяжести операции был перенесен на южный фланг. Ныне, основываясь на том же факте крупного тактического успеха на фронте 18-й армии, верховное командование сочло необходимым продолжать здесь наступление со всей энергией и тем самым бить подходящие французские резервы по частям. Новая стратегическая цель чрезвычайно расширяла первоначальную задачу операции нанесения поражения лишь англичанам. И англичане и французы должны были теперь быть биты одновременно, при чем по группировке сил наибольшая часть германских сил — часть 2-й и 18-я армии — должны были наносить удар французам. Англичане считались настолько разбитыми, что одна 17-я армия признавалась достаточно сильной, чтобы нанести им решительное поражение.

Таким образом, по своей стратегической цели операция подверглась коренному изменению; вместе с тем изменились и направления наступления.

26 марта верховное командование издало директиву, согласно которой 18 армия должна была совершать захождение правым плечом вдоль реки Авры, далее наступая своим правым флангом на Тартиньи и левым — на Компиен.

2-я армия должна была сильным левым крылом наступать южнее Соммы через Авру и далее левым флангом на Бретейль.

17-я армия должна была продолжать энергичное наступление прямо в западном и северо-западном направлениях правым флангом на С.-Поль и левым—на Айрен. (Черт. № 2).

Вместе с тем, 4-й и 6-й армиям предписывалось закончить подготовку наступления „Марс“ для прорыва фронта по р. Лис.

Итак, наибольшие силы направлялись ныне на юго-запад, и вся операция получала направление как раз противоположное тому, которое предполагалось первоначальным планом. Приводимый черт. № 3 перемещения резервов во время операции с очевидностью выявляет этот факт.

Вместе с тем, новые направления наступления становились ныне эксцентричными, и 3 германские армии должны были продолжать продвижение растопыренными пальцами. Это имело свои тяжелые тактические последствия. Фронт наступления значительно увеличивался, и протяжение его более не соответствовало введенным в бой силам. Боевые линии становились более разреженными, а сила удара от этого заметно ослабевала. К тому же, наступление не могло быть более поддержано столь могущественной артиллерией, ибо выдвижение ее через изрытые воронки и опутанные проволокой поля сражения становилось чрезвычайно трудным, а подчас и невозможным. Пожалуй, в эти дни германские начальники должны были понять, какими крупными преимуществами обладает в наступательном позиционном бою танк, так несправедливо недооцененный верховным командованием.

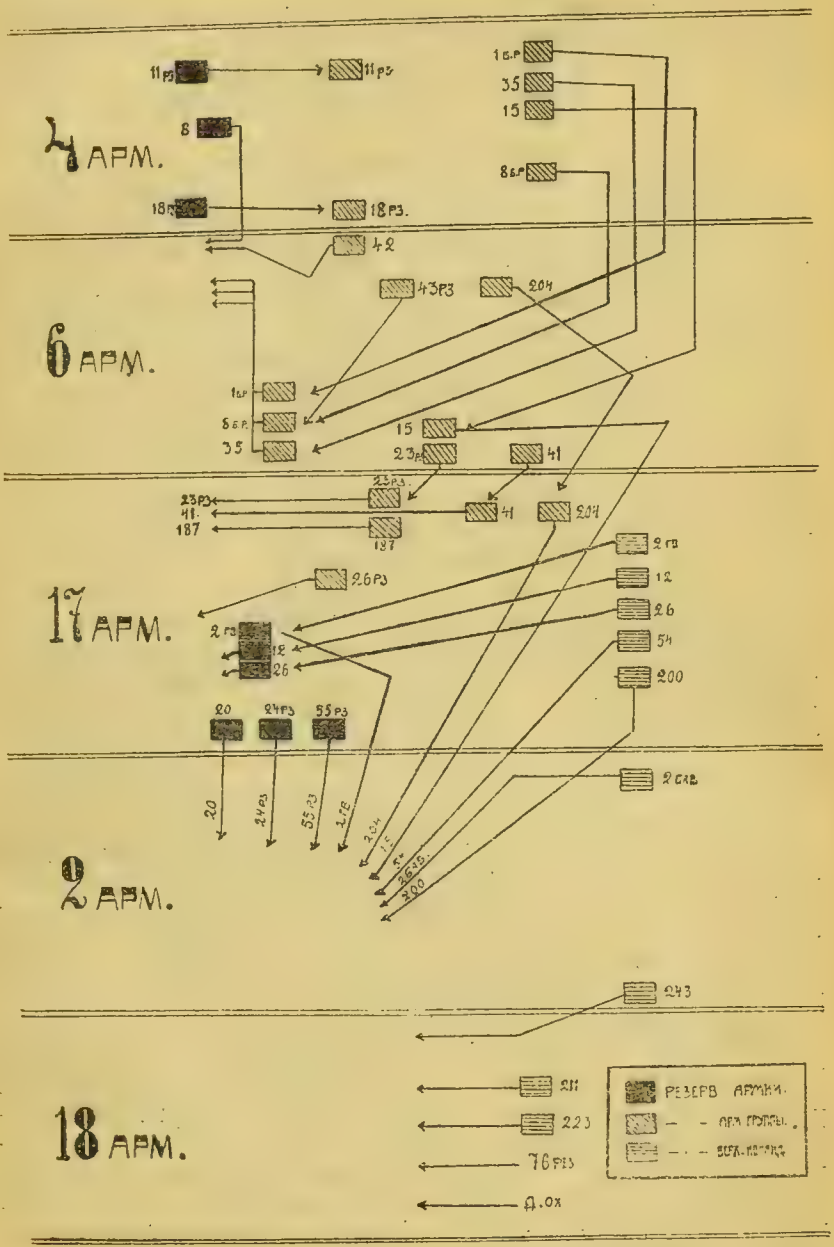
В итоге, в то время, когда силы союзников наростали и приобретали все большую стойкость сопротивления, силы германцев рассасывались и потому ослабевали. Эти условия предопределяли дальнейший ход германского наступления, которое, несмотря на еще достигнутые успехи, пошло с 26-го марта на убыль.

27-е марта. 27-го марта 17-я армия вела безуспешные атаки на своем правом фланге против Арраса, продвинувшись несколько вперед лишь в районе Букуа.

2-я армия была уже встречена сильными контр-атаками англичан у Альбера и могла несколько продвинуться вперед

ЧЕРТЕЖ № 3

передвижение германских резервов.



лишь вдоль Соммы, где она взяла Сайи. Становилось очевидным, что 3-я английская армия вновь прочно овладела своим положением, и что германское наступление севернее Соммы выдыхается.

Действительно, 27-е марта было последним днем наступления германцев на фронте Аррас—Альбер, на котором по первоначальному плану должен был последовать главный удар с целью нанесения решительного поражения англичанам.

Наступление между Скарпой и Соммой замерло; в последующие дни здесь велись еще бои, особенно яростные на реке Анкр, где 3 английская армия, усиленная австралийскими дивизиями, тщетно старалась вернуть Альбер; эти бои имели, однако, лишь местный характер.

Между тем, южнее Соммы левый фланг 2-й и 18-я армия продолжали энергичное наступление и имели 27-го марта серьезный успех: здесь был взят Мондидье. Этот момент был опять критическим для союзников. В районе Мондидье не было резервов и здесь образовался прорыв, замкнувшийся лишь на следующий день с прибытием корпуса ген. Манжена.

Со взятием Мондидье у германцев образовался, однако, вдоль течения реки Авр значительный выступ, в целях выпрямления коего велось наступление в последующие дни; оно развилось таким образом в направлении на Амьен.

28—30 марта. Весь центр тяжести боев перенесся с 28-го марта в район между Соммой и Аврой, где уже заметно ослабевшим темпом наступали левый фланг 2-й армии и правый фланг 18-й. В тяжелых боях германцам удалось здесь к 30-му марту оттеснить союзников в районе Морелль. В этот же день германцы с напряжением последних сил повели наступление в юго-зап. направлении, но были вскоре остановлены стойким сопротивлением французов.

Наступление замирало южнее Соммы. Здесь вдоль течения р. Авр германцы остановились в 15-ти *км* от находящегося под обстрелом артиллерии важного стратегического пункта Амьена. Овладение этим пунктом имело бы, несомненно. серьезное значение и германское командование сделало еще одну попытку развить свое наступление; ей суждено было стать последней.

4 апреля. После трех дней сравнительного боевого затишья германцы повели 4-го апреля атаку между Соммой и Аврой. В бой были введены последние резервы, сосредоточенные за фронтом „Михаеля"; численность сил, брошенных в прорыв, исчислялась ныне в 92 дивизии. Германцам удалось оттеснить союзников на несколько километров. Здесь продвижение германцев было остановлено окончательно и навсегда.

Стратегическая цель — Амьен — осталась недостигнутой, и это означало спасение союзников.

6—9 апреля. В последующие дни германцы прекратили свои наступательные попытки; они переходили всюду к обороне и окапывались. Лишь правый фланг 7-й армии атаковал 6-го апреля французов южнее Ля-Фер и оттеснил их. В тот же день англичане повели сильные атаки против германского расположения между р. р. Анкр и Авр, но были отбиты.

Этим в сущности и окончились боевые события на всем фронте „Михаеля".

Фош, правда, предполагал немедленно перейти в решительное контр-наступление по обоим сторонам Соммы, дабы возможно дальше отбросить германцев от Амьена. В районе последнего он успел даже сосредоточить 5-ю и 10-ю армии. Однако, этот план ему не удалось привести в исполнение, ибо 9 апреля германцы ударили с новой силой на новом фронте западнее Лилль.

Результаты наступления.

Наступление в Пикардии кончилось. Весь фронт стал здесь вновь неподвижным и застыл в косных формах позиционной войны. Тактический успех германцев был, несомненно, велик В 10 боевых дней они продвинулись на важных направлениях к Амиену и Парижу в общем на 60 *км* и овладели укрепленной площадью в 3.440 квадратных *км*. 90.000 пленных и 1.300 орудий стало их добычей. 10 английских дивизий севершенно исчезли с театра военных действий и появились вновь лишь осенью. Насколько велик был урон англичан в людях видно из того, что несколько десятков тысяч рабочих, занятых в каменно-угольных шахтах и на военных заводах, было тотчас же призвано в армию.

Велико было также и морально-политическое значение операции. В начале 1918 года германская армия выявила огромную наступательную силу, способную к сокрушительным ударам. Большое значение имел в этом отношении и обстрел Парижа из орудий сверхдальней стрельбы.

Маршал Хейг характеризует следующими словами положение союзников на западном фронте после мартовского наступления германцев: „. . . хотя наступление противника и не достигло прорыва фронта союзников, тем не менее, оно вынудило их использовать все свои резервы и прибли-

зило германцев к важному стратегическому пункту Амьену... В этих условиях возобновление германского наступления должно было быть встречено союзниками с величайшей тревогой" [1]).

Однако, как ни велики были успехи германцев, как ни серьезно становилось моментами положение союзников,— операция в Пикардии была в стратегическом отношении немощна: она не дала никаких решительных результатов.

Скорее наоборот: тактические успехи, рассматриваемые под стратегическим углом зрения, были для военного положения германцев в сущности отрицательны. Их фронт увеличился ныне на 200 *км* и вершиной своей трехугольной формы глубоко вдавался в расположение противника. Правда, в этом заключалась известная угроза и для англичан, в особенности, в случае успеха германского наступления во Фландрии; однако, при отсутствии резервов, достаточных для прочного обеспечения нового протяжения фронта, подобное положение было, несомненно, нежелательным.

Случилось самое плохое, на что указывал подполковник Ветцель в своих соображениях от 9-го ноября 1917 года,— это именно мешкообразное расширение фронта и не больше. Стратегическая цель операции, нанесение решительного поражения англичанам, достигнута не была.

А в условиях военно-политического положения Германии в 1918 году это означало шаг к ее гибели.

Оценка действий германского командования. Тактика и стратегия в позиционной войне.

Второй раз на протяжении мировой войны на французском фронте грандиозный тактический успех германцев не достигал решительной стратегической цели: — первый раз это случилось в сентябре 1914 года на Марне, ныне это произошло в 1918 году в Пикардии.

И хотя оба сражения разыгрались в совершенно различных условиях, тем не менее, они создали повод для возбуждения сложной проблемы — тактики и стратегии в военных операциях. Эта проблема является в сущности стержнем, на котором вертится вся критика действий германского командования в 1918 году.

---

[1]) Kuhl.

Военное искусство, как и всякое искусство вообще, имеет свои чистые классические формы; их высшим образцом являются в истории решительные маневры и сокрушительные удары Наполеона. Германская военная школа воспитала себя на этих образцах и, более того, на деле (Седан) и в теории („Канны" Шлиффена) прониклась ими, создав Шлиффеновскую стратегию уничтожения.

С этой доктриной германская армия выступила в 1914 году на театр военных действий и, верная ей, проводила свои первые решительные операции на востоке и западе.

Но жизнь оказалась прогрессивнее какой бы то ни было школы. Битвы армий превратились в битвы народов. Огромные массы вооруженных сил превратили линию фронта в сплошную неповоротливую стену, а весь маневр в их напирание друг на друга. Это было неизбежным следствием массы вооруженных сил, возросшей несоразмерно с неизменной по своей площади территорией, и затем дальности огневого действия нового вооружения.

Гибкий и свободный в представлении своего творца, план Шлиффена вылился на западном фронте в 1914 году именно в такое напирание сплошной стены, продвижение коей до Марны оказалось возможным на столько же, насколько и необходимым все ее обратное движение к р. Эн, благодаря одной лишь угрозе правому флангу.

Маневренная война 1914 г. носила в себе уже все зачатки войны позиционной, ибо основным условием возникновения последней была непрерывность сплошного фронта.

И когда впоследствии в закостенелой и ушедшей в землю стене возникала брешь, она, в сущности, всегда без серьезнаго значения для исхода войны вновь замыкалась подоспевшими резервами.

В худшем случае стена иногда пятилась назад, однако, вскоре опять зарывалась в землю, не теряя своей непрерывности.

Вместе с тем, сражения приняли тот нерешительный, затяжной характер лобовых ударов, которые граф Шлиффен окрестил названием „ординарные сражения".

Военное искусство, казалось, неограниченное и беспредельное в творчестве своих оперативных замыслов, попало в твердые шоры линейной стратегии и лишилось той свободы и возможности решительных маневров, на которых германские войска воспитывались со времен Мольтке.

Гениальная школа Шлиффена встретила в мировую войну своего жестокого антипода и ее верному ученику, несомненно одаренному полководцу, Людендорфу оказалось не под силу овладеть искусством ведения позиционной войны.

Мольтке говорил: „Нельзя составлять проект развертывания боевых сил, если предварительно не имеется ясного

оперативного плана"—иначе, план операции предопределяет план развертывания. Что же касается сосредоточения сил на главном направлении, то это ведь старая азбучная истина.

Было бы наивно полагать, что Людендорф забыл об этих элементарных требованиях военного искусства и, тем не менее, при сосредоточении сил к наступлению „Михаеля" они были им нарушены.

Решение разбить англичан требовало развития наступления, главным образом, между Скарпой и Соммой. Однако, позиции противника были в тактическом отношении наиболее доступны на С.-Кантенском участке. И вот для того, чтобы обеспечить несомненный тактический успех прорыва, Людендорф вводит здесь сильную 18-ю армию и дает левому флангу 2-й армии направление также южнее течения Соммы от Перрона на запад. Половина всех сил была тем самым свернута с главного направления, и это в известной мере обусловило развитие операции именно южнее Соммы—таким образом, развертывание предопределило план операции и для наступления на главном направлении была оставлена лишь половина сил.

Здесь впервые сказалось властное влияние тактических условий позиционной войны на стратегию; эти условия таковы, что вынуждают к развертыванию своих сил не там, где это нужно по стратегическим целям операции, а там, где это возможно по тактическим условиям прорыва укрепленной позиции.

Людендорф считал такое сосредоточение лишь необходимым для обеспечения тактического успеха прорыва фронта; он предусматривал затем удлинение праваго фланга 18 армии до Перрона. Но достигнутые на южном участке тактические успехи настолько увлекли его, что сначала 23-го, а потом 26-го марта весь центр тяжести операции был перенесен на юго-западное направление, весь план операции был изменен, хотя условия позиционной войны здесь не играли роли фактора, неизбежно к тому вынуждающего.

В этот момент Людендорфу оказалось не под силу побороть тяжелое влияние позиционной войны и проявить гибкость оперативного мышления для проведения первоначального плана операции разбить англичан, охватывая их в северо-западном направлении.

В самом изменении плана операции, конечно, не кроется какого-либо преступления с точки зрения военного искусства.

„Только глупец может полагать, что является возможным проводить операции с начала до конца согласно заранее принятого, в деталях разработанного и полностью выдержанного плана" – говорит Мольтке. Эту несомненную истину следовало бы помнить многим германским критикам

в роде Фера и Хенке, которые в одном факте изменения плана операции склонны усматривать крупную ошибку Людендорфа. Конечно, дело здесь не в этом. Вопрос должен на самом деле рассматриваться с точки зрения необходимости и целесообразности такого изменения плана.

Если разбитые войска 5-й английской армии отступали на Амьен, а район к северу от Уазы занимал новый свежий противник—французы, то, казалось, оставив против последних заслон, нужно было все свободные силы бросить вдоль течения р. Соммы и севернее ее, дабы, наступая в северо-западном направлении, добить живую силу англичан и тем достичь решительной над ними победы, как это и предполагал первоначальный замысел.

Были ли серьезны соображения, что одна 17 армия справится с этой задачей?—Конечно нет. 17 армия наступала вообще менее успешно, чем ее соседи с юга. На ее правом фланге оставался сильно укрепленный район Арраса, а сражавшаяся против нее 3 английская армия была сравнительно мало расстроена и получила к тому же резервы. После почти полного уничтожения 5 английской армии удар должен был развиваться против висевшего в сущности в воздухе правого фланга 3-й армии и для этого необходимо было привлечь всю 2 германскую армию. Сопряженное с атакой 6-й армии „Марс Южный" в направлении Ленс—Аррас, подобное развитие наступления „Михаеля" могло привести к решительной уничтожающей победе над англичанами в Шлиффеновском значении этого слова.

Это не было сделано из соображений тактического характера. Людендорф полагал, что наиболее крупный тактический успех на фронте 18 армии не может остаться не использованным. Это было бы несомненно так, если бы дальнейшее направление наступления 18 армии совпадало с направлением уничтожения живой силы разбитых англичан. Но район между Уазой и Соммой заняли свежие французские резервы, а разбитые англичане стянулись к Амьену. В отношении достижения стратегической цели часть 2-й и 18-я армия ударяли потому в сущности в пустое место, ибо стратегического объекта их наступления — англичан здесь уже с 25 марта не было, не считая сосредоточившейся 4-й армии Роулинсона, составившей, однако, вместе с французами ту свежую силу, которую нужно было сдержать до осуществления главной задачи—полного уничтожения 3-й и 5-й английских армий.

Тактический успех, очевидно, рассматривался лишь с точки зрения пространства, но не живой силы противника—и это крупное недоразумение, еще не уясненное поныне, заставило современных германских критиков допустить в мартовском наступлении

Людендорфа противопоставление тактике стратегии, противопоставление совершенно неестественное и непонятное, ибо тактика и стратегия—это явления одного и того же порядка, лишь на различных ступенях своей динамики.

Только уродливые формы позиционной войны, сковавшие свободу маневра и поставившие на первое место степень тактической доступности данного участка позиции, могли в итоге внести столь серьезное искажение в понятия военной теории.

В тот момент, когда германские армии достигали Соммы, когда после трех с половиной лет тяжелой позиционной войны прорыв укрепленной полосы удался в широких размерах, все это осталось невыявленным. И в этом сказалось властное влияние косных формпозиционной войны на умы тех военных деятелей, которые еще четыре года тому назад могли давать сражения на уничтожение в Восточной Пруссии.

Немощная стратегия Людендорфа в мартовском наступлении 1918 года была в отношении развертывания сил к бою, несомненно, вынуждена условиями позиционной войны; но в отношении проведения операции она на столь же несомненно явилась следствием того тяжелого влияния позиционных форм борьбы, к преодолению коего германское командование оказалось неспособным.

„Позиционное бытие" войны властно определило его оперативное сознание.

И правота этого тяжелого упрека становится еще более очевидной, когда мы мартовское наступление германцев рассматриваем не как отдельную операцию, а как решительное наступление на всем французском театре военных действий.

Когда в начале 1918 года военно-политическое положение позволило и вынудило германцев добиться решения на западе,—казалось, сражение, которое здесь разыграется, будет одним из самых грандиозных и еще небывалых в истории; казалось, последний боец будет подтянут на западный театр военных действий и сокрушительный удар нанесет вся совокупность германских вооруженных сил.

И что же?

40 дивизий, т.-е. 1/6 часть всей армии были оставлены на востоке. Уж это одно могло сразу изменить представление о решительном наступлении во Франции. Правда, Украина была нужна германцам; но разве не надо было более приемлемыми для России условиями мира обеспечить себе доставку продовольствия дипломатическим путем? Разве могли быть слишком значительны уступки, позволявшие взять с русского фронта хотя бы один лишь полк, чтобы бросить его в решительную схватку, в итоге решавшую ведь и вопрос о Востоке.

Но далее, во Франции на 700 *км* фронте решительное наступление проводится лишь на участка в 80 *км*. Из 197 дивизий, сосредоточенных на западе, его проводят лишь 62 дивизии, т.-е. менее 1/3 сил. Все же остальные 135 дивизий остаются сидеть в своих окопах, молча взирая, как в сущности маленькая горсточка ведет решительное наступление с ответственнейшей целью, какую когда-либо ставило себе германское командование.

Да, трудность прорыва укрепленной полосы, необходимость для этого огромного сосредоточения артиллерии и технических средств, недостаточное боевое обеспечение дивизий—все эти причины затрудняли прорыв на более широком фронте и одновременное наступление на нескольких участках.

Но ведь в том-то и дело, что вся трудность наступления в условиях позиционной войны заключается не в тактическом прорыве фронта, а в стратегическом развитии этого прорыва. И для того, чтобы последнее удалось, необходимо держать резервы противника прикованными на всем фронте, а не позволять им свободно сосредоточиваться к угрожаемым пунктам и тем самым рано или поздно останавливать дальнейшее продвижение прорвавшегося[1]). Но так именно поступили германцы; они наступали сначала в Пикардии, потом во Фландрии, а затем в Шампани — и все это через значительные промежутки времени. Союзники могли каждый раз совершенно свободно сосредоточивать свои резервы к угрожаемым пунктам и останавливать продвижение германцев.

Каковы бы ни были условия позиционной войны, но если они могут вынудить проводить решительное наступление на ограниченном участке фронта лишь одной третью своих сил, то эти условия нужно побороть во чтобы то ни стало, ибо они ведут к гибели.

Разрешение этого трудного вопроса оказалось не под силу германскому командованию.

„В 1918 году Людендорф проводил лишь отдельные частные атаки — говорит Де-Киврие,—но нигде он их не соединил в общее грандиозное наступление всей массой своих вооруженных сил“ [2]).

---

[1]) Такого именно взгляда держался ген. Брусилов при прорыве австро-германского фронта в мае 1916 года. Если бы план Брусилова—атака всеми 4 армиями на протяжении всего Юго-западного фронта—встретил к себе более доверчивое отношение Ставки, то несомненно, что кампания 1916 года на Восточном фронте могла бы закончиться полным крушением Австро-Венгерской монархии, а вместе с тем оказать непосредственное влияние на исход мировой войны. (См. Военно-Исторический Сборник „Луцкий прорыв“).

Прим. редакции.

[2]) Kuhl, стр. 103.

Между тем, если дело касалось последнего решительного сражения, должен был подняться весь германский фронт во Фландрии, в Артуа, в Шампани, в Аргоннах и в Лотарингии.

Все должно было встать из окопов и ринуться в бой. Правда, это было бы одно из самых решительных и грандиознейших сражений, не знавших другого исхода, кроме полной победы или полной гибели.

Но так неумолимо поставила вопрос история, когда настал 1918-й год.

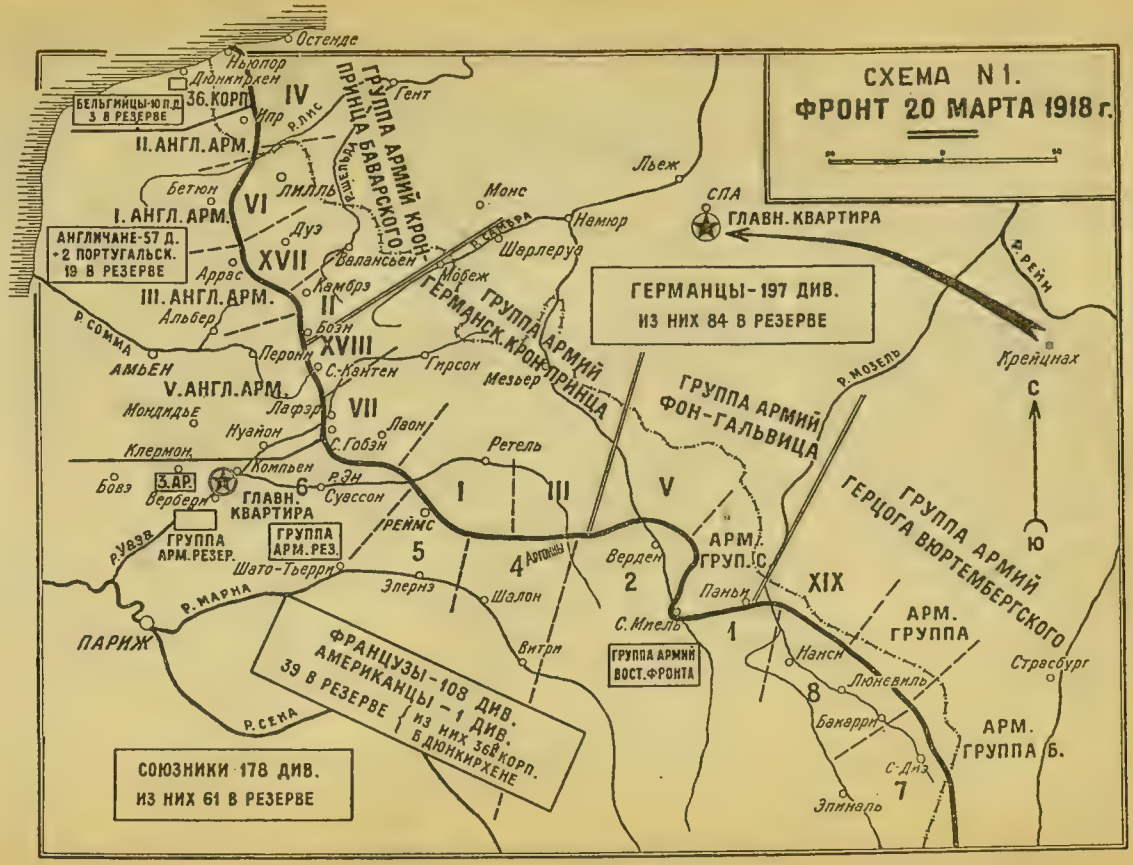


СХЕМА N 1.
ФРОНТ 20 МАРТА 1918 г.
ГЕРМАНЦЫ-197 ДИВ.
ИЗ НИХ 84 В РЕЗЕРВЕ
ГРУППА АРМИЙ КРОН-ПРИНЦА БАВАРСКОГО
ГРУППА АРМИЙ ГЕРМАНСК. КРОН-ПРИНЦА
ГРУППА АРМИЙ ФОН-ГАЛЬВИЦА
ГРУППА АРМИЙ ГЕРЦОГА ВЮРТЕМБЕРГСКОГО
ГРУППА АРМИЙ ВОСТ. ФРОНТА
ФРАНЦУЗЫ-108 ДИВ.
АМЕРИКАНЦЫ-1 ДИВ.
39 В РЕЗЕРВЕ
ИЗ НИХ 36й КОРП. В ДЮНКИРХЕНЕ
СОЮЗНИКИ 178 ДИВ.
ИЗ НИХ 61 В РЕЗЕРВЕ
БЕЛЬГИЙЦЫ-10 П.Д.
3 В РЕЗЕРВЕ
36. КОРП.
II. АНГЛ. АРМ.
I. АНГЛ. АРМ.
АНГЛИЧАНЕ-57 Д.
+2 ПОРТУГАЛЬСК.
19 В РЕЗЕРВЕ
III. АНГЛ. АРМ.
V. АНГЛ. АРМ.
3. АР.
ГЛАВН. КВАРТИРА
ГРУППА АРМ. РЕЗЕР.
ГРУППА АРМ. РЕЗ.
ГЛАВН. КВАРТИРА
ГЛАВН. КВАРТИРА
АРМ. ГРУП. С
АРМ. ГРУППА
АРМ. ГРУППА Б.
Остенде
Ньюпор
Дюнкирхен
Гент
Ипр
Р. ЛИС
Бетюн
Лилль
Р. ШЕЛЬДА
Монс
Льеж
СПА
Намюр
Р. САМБРА
Шарлеруа
Дуэ
Валансьен
Аррас
Камбрэ
Мобеж
Альбер
Бозн
Р. СОММА
Перонн
С.-Кантен
Гирсон
Мезьер
АМЬЕН
Лафэр
Мондидье
Нуайон
Лаон
С. Гобэн
Клермон
Компьен
Ретель
Бовэ
Верберн
Р. ЭН
Суассон
РЕЙМС
Р. УАЗА
Шато-Тьерри
Эпернэ
Шалон
Р. МАРНА
ПАРИЖ
Витри
Верден
С. Миель
Паньи
Нанси
Люневиль
Бакарри
С-Диэ
Эпиналь
Страсбург
Крейцнах
Р. МОЗЕЛЬ
Р. РЕЙН
Р. СЕНА
С
Ю
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
XVII
XVIII
XIX
1
2
4
5
6
7
8

СХЕМА № 2
Кале-Булонь
Лилль
Бетюн
VI
I АНГЛ. АРМ.
Вими
Р. Скарпа
XVII
Р. Шельди
АРРАС
Р. Сансе
Круазиль
Дуллан
III АНГЛ. АРМ.
Мевр
КАМБРЭ
Аббевиль
Бапом
II
III Англ. Ар.
Вакери
Камбль
Альбер
IV АНГЛ. АРМ.
Р. Сомма
Перонн
АМЬЕН
Лонго
XVIII
Орнуа
V Англ. Ар.
С-КАНТЕН
21
22
23
Муа
60 к.
Нель
24
Гам
10я Армия
1 АР.
28
27
Руа
25
Гискар
Гривен
Моншидье
26
27
Ла ФЭР
Групп. Армий Резерва 1я и 3я Ар.
VII
Плесси-де-Руа
Шони
Орвилье
Лассиньи
Ле Племон
Нуайон
Барizи
Р. Эйлетт
Куси
3я Ар.
Бове
Компьень
Р. Эн
Эстре С. Дени
Суассон
Вербери
5я Армия
6я Армия
Нерю
Крейль
Санли
Шантильи
Масштаб
0
15
30
60 к
Понтуаз
НАСТУПЛЕНИЕ 21 МАРТА 1918 Г
Фронт 21 марта утром
" 31 " вечером
" 9 апреля
ПАРИЖ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА, Тверская, 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА—ВОЕНГИЗ.

„ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА".

Вышли из печати:

Выпуск I. — **Новиков.** „6 Сибирская дивизия в боях под Лодзью". Стр. 48. 5 схем. Цена 25 к.

Выпуск III. — **Надежный,** „Бой у Лащева в авг. 1914 г.". Стр. 32. 3 схемы. Цена 20 к.

Выпуск IV. — **Корольков.** „Несбывшиеся Канны". Неудавшийся разгром русских летом 1915 г. Стр. 32. 1 схема. Цена 40 к.

Выпуск V. — „Начало борьбы с поляками на Украине в 1920 году". Стр. 60. 4 схемы. Цена 35 к.

Выпуск VII. — **Ефимов.** „Действия 2-й конной армии в 1920 г.". Стр. 80. 4 схемы. Цена 80 к.

Выпуск VIII. — **Оськин.** „Хозяйственная работа 2-й Особой Армии". Стр. 112. 1 схема. Цена 80 к.

Выпуск II. — **Рымшан.** „Рейд Мамонтова". Стр. 68. Ц. 28 к.

Ковтюх. — „От Кубани до Волги и обратно". Стр. 112. Ц. 75 к.

Монографии.

Козлов. — „Очерк военно-технического снабжения армии в мировую войну". Стр. 173. Цена 1 р. 10 к.

Иссерсон. — „Канны мировой войны". Стр. 136. 8 схем. Ц. 1 р. 40 к.

Покус. — „Борьба за Приморье". Стр. 112. 9 схем. Цена 1 р.

Выходят из печати:

Выпуск IX. — **Шехаев.** „Боевая жизнь 16 стр. Ульяновск., имени т. Киквидзе, дивизии". 4 печ. листа. 5 схем.

Выпуск X. — **Корольков.** „Сражение под г. Шавли в июле 1915 г.". 4 печ. листа. 3 схемы.

Выпуск XI. — **Редкин-Рымашевский.** „Действия XXXII русск. корпуса в Луцком прорыве". 1½ листа. 3 схемы.

Выпуск XII. — **Федоров.** Техника мировой войны в диаграммах и таблицах. 3 печ. листа.

Монографии.

Петров. — „Подготовка России к войне на море". 16 печ. л. 15 схем.

Зайончковский. — „Подготовка России к мировой войне". Планы войны. 20 печ. лист. 25 схем.

Свечников. — „Борьба на Северном Кавказе в 1918—1919 г.". 14 печ. лист. 12 схем.

Барсуков. — „Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении". 12 печ. листов.

Корсун. — Стратегический очерк войны 1914—1918 г. на кавказском фронте". Часть I. 18 печ. лист. 33 схемы.

Цена 32 коп.

Воинским частям и учреждениям, а также военно-служащим при покупке книг в магазинах ГВИЗ'а и отделениях за наличный расчет предоставляется скидка в 20%.

Почтово-посылочный отдел ГВИЗ'а (Москва, Тверская, 15) высылает любую книгу без задатка наложенным платежом. При заказах на сумму свыше 5 руб. стоимость упаковки и пересылки за счет издательства.

Воинским частям и учреждениям предоставляется кредит

Правление ГВИЗ'а: Москва, Тверская, 15 Склад изданий: Красная пл., 2-й дом Реввоенсовета.

Оптово-Розничные магазины

В МОСКВЕ:

№ 1. Б. Лубянка, д. № 1. Тел. 2-21-61.
№ 2. Б. Лубянка, д. № 1. Тел. 5-84-03.
№ 3. Красная площадь, 2-й дом РВСР, уг. Ильинки. Тел. 5-84-04.
№ 4. Арбат, д. № 47. Тел. 2-45-98.
№ 5. Никольская ул., д. № 8. Тел. 2-14-39.
№ 6. Тверская ул., д. № 15. Тел. 3-28-43.
№ 7. Тверская ул., д. № 15. Тел. 2-31-56.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ЛЕНИНГРАД—(Северо Западн.), ул. Герцена, дом № 19; СМОЛЕНСК—(Западное Окружное), Советск. ул., д. № 10; ТАШКЕНТ—(Средне-Азиатское); СЕВАСТОПОЛЬ—(Крымское Областное), ул. Троцкого, д. № 12; Н. НИКОЛАЕВСК—(Сибирское), Красн. пр., д. № 22; ТИФЛИС—(Закавказское), пл. Свободы, д. № 3; САМАРА—(Приволжское). Советская ул., д. № 111; ХАРЬКОВ—(Всеукраинское), ул. Свердлова, д. № 22; КИЕВ—(Правобережное).; РОСТОВ на ДОНУ—(Сев. Кавказск.), Никольская ул., № 107; ВЛАДИВОСТОК—(Дальне-Восточное), Ленинская ул., 69; МИНСК — Интернациональная, д. № 6.